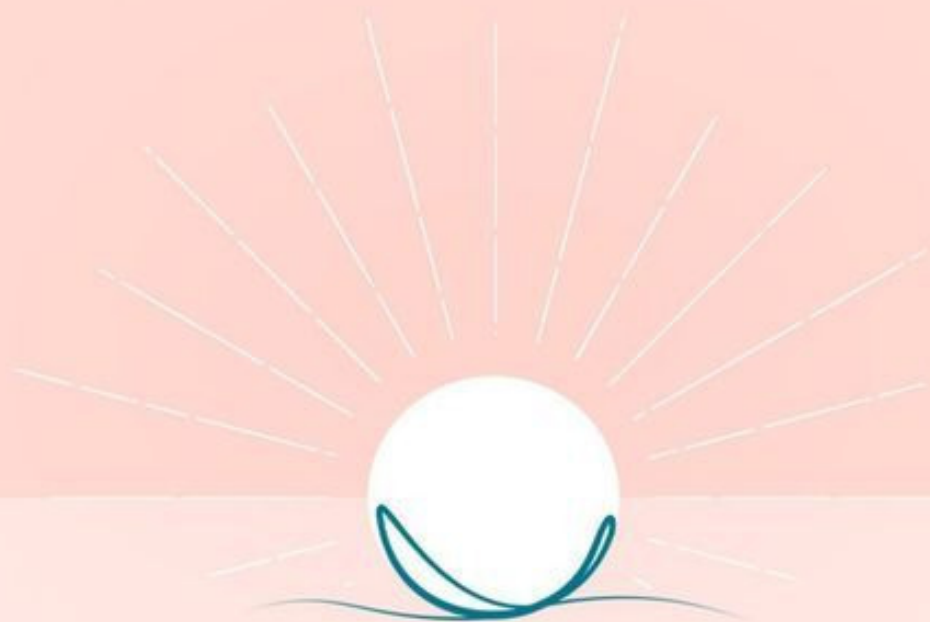


18+



ЕГОР КОРКИН

ЖЕМЧУЖИНА

Егор Коркин

Жемчужина

«Издательские решения»

Коркин Е.

Жемчужина / Е. Коркин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557778-8

Парня по имени Максим начинает преследовать страшный человек с кривым кинжалом, который впоследствии оказывается злым колдуном. Убегая от него по ночным улицам, Максим обнаруживает себя на светлой стороне в вечной битве добра со злом. В этой схватке к нему присоединяется его родственник, друг, священник Георгий. Максиму вместе с отцом Георгием предстоит собственное расследование с множеством опасных событий. И в конце своего пути Максим приходит к истинному пониманию главной загадки его жизни.

ISBN 978-5-00-557778-8

© Коркин Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Жемчужина

Егор Коркин

© Егор Коркин, 2021

ISBN 978-5-0055-7778-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эту книгу я посвящаю моим родителям,
которые были со мной рядом в трудную
минуту, а также моей жене Алине,
перевернувшей мое представление
о семейной жизни.

Глава 1

– Пожалуйста, ради бога, Максим, почини люстру, пока я буду в гостях. Я вчера пришла домой, она светилась, как на дискотеке. Я ждала-ждала, взорвется она или нет. Так и не дождалась, – проговорила блондинка с синими большими глазами.

Он всегда любовался ею и видел, что она очень красивая. Ему повезло с ней. Его умиляло то, как жена, порой выговаривая ему, поднимала правую руку и указывала на что-то. Это выглядело забавно в его глазах.

– Я, конечно, же пойду тебе на встречу, Зай, и починю твою люстру, и...

Тут жена перебила его. Она подняла правую руку и начала говорить:

– Максим, любимый, конечно, же ты починишь. По-другому быть не может. И потом, это не моя люстра, а твоя.

– Любовь моя, я тону в твоих глазах, иди я тебя поцелую. Я потом сделаю, с работы пришел.

– Макс, я серьёзно, – снова перебила его она, – я знаю твои «потом». Давай «потом» потом, а сейчас поужинаешь и делаешь люстру. Сестра завтра в гости придет, а у нас в прихожей цветомузыка.

Он продемонстрировал свою знаменитую широкую улыбку и стал помогать ей надевать легкую курточку.

– Тебе это не поможет, хитрюга, – сказала Таня.

Она прошмыгнула за дверь.

– Зай, ты телефон взяла? – крикнул он в тускло освещенный подъезд.

– Взяла, – донеслось откуда-то снизу достаточно приглушенно.

Видимо, Таня не поехала на лифте и решила спуститься пешком. Они жили на третьем этаже в однокомнатной квартире.

Максим закрыл дверь, вздохнул и оглянулся. Дом, любимый дом. Он был рад, что они уже три года вместе. Три года их счастливому браку. Конечно, у него были свои представления о семье, и Максим думал временами, что брак – это тяжкий труд. Также он иногда побаивался того, что их дружба, их любовь когда-то изменятся из-за быта и каких-то других проблем. Но с Таней все получилось очень хорошо. Они были счастливы.

Пошевелив пальцами на ногах, Максим прошел на кухню. Запах котлет заполнил его маленький мужской нос. Он присел за стол и плотно поужинал, не торопясь и растягивая удовольствие от еды. Теперь, как бы ни хотелось избежать ремонта люстры, настал её час. Максим достал ящик с инструментом и табуретку, у которой одна ножка отваливалась, и он не разрешал жене вставать на неё. При этом вес Тани был пятьдесят два килограмма. Она была низенького роста, худенькая. Он называл женщин таких размеров «карманным вариантом». Ему всегда нравились «карманные варианты». Макс же весил больше Тани, ну, или как он говорил, «немного больше» – всего девяносто килограммов.

Жены не было дома, поэтому можно было встать на табуретку. Ведь он-то умный и опытный, и с ним ничего не случится. С ним ничего не произойдет. Так думают все люди. Они так устроены.

Люстра, требовавшая его внимания, покорно висела в прихожей и ждала своего хозяина. Это была люстра из трех светильников, каждый из которых представлял собой выплавленную из синего стекла чашу, похожую на лепестки какого-то невиданного цветка. Три металлических стебля тянулись от чаш к потолку и соединялись в месте крепления. Макс сам перед въездом ставил эту люстру, она была прочно закреплена к потолку. «Ну, что ж, надо было достать инструмент, выключить свет, замерить отверткой есть ли ток, на всякий случай. Да, надо же взять фонарик на голову», – подумал Максим и вынул немного пыльный ящик с инструмен-

том из шкафа с нижней полки. Весь необходимый инструмент был здесь, кроме фонарика. Домашний мастер искал в рабочей спецодежде, которая валялась тут же в шкафу, и нащупал долгожданный фонарик. Теперь он был готов. Табуретка была поставлена немного в стороне от люстры. Необходимые отвертка, бокорезы были помещены в кармане шорт.

Максим встал на табуретку и для баланса схватился одной рукой за металлический стебель люстры. Табуретка скрипнула подозрительно под ногами, но сохранила стойкость. «Ничего не случится», – пронеслось в голове, – все будет хорошо. Быстро починю и слезу».

Неожиданно он почувствовал, как электрический ток схватил и укусил одновременно Максима за вторую руку, которой он пытался отодвинуть провода у основания люстры. В следующее мгновение он обнаружил, что его тело стремительно движется спиной вперед в сторону шкафа. Раздался объемный приглушенный грохот от врезавшегося в полки шкафа человеческого немного полного тела. Пару курток слетело с верхних крючков и покрыло место падения. Максим некоторое время полежал под куртками и обнаружил, что ничего не повреждено в его теле. Все функционирует в обычном режиме, только рука в месте, укушенном электрическим током, немного ноет.

Очевидно вместо фазы электрики разорвали нейтраль на выключателе, а когда вешали люстру с отцом, отключили автоматы на лестничной площадке. Отец тогда как раз что-то в щитке делал, поэтому и не заметили, что выключателем соединяется нейтраль, – подумал он. Отец. Он любил отца, который был тихим, молчаливым, спокойным мужчиной. Никогда не орал, не ругался и, если высказывал, то неохотно, под давлением обстоятельств. Мама Максима шутила, что с её мужем невозможно ругаться, потому что в диалоге участвует одна сторона – она. Отец всю жизнь проработал на Ярославском моторном заводе в должности электрика и был на хорошем счету у начальства. Несмотря на то, что мама могла развить бурные действия по какой-либо причине и организовать своих мужчин на поездку в гости, сбор картошки, покраску комнатной двери, все знали, что последнее слово за отцом. С ним было надежно, легко и спокойно. Макс хотел быть таким, как отец, по характеру и по жизни.

Второй раунд борьбы с люстрой начался. Предварительно он выключил соответствующий автомат в электрощите в подъезде. Максим встал на табуретку, которая снова подозрительно закричала.

Хех, – подумал он, – плохо, наверное, в прошлый раз я затянул клеммы, соединяющие провода в люстре.

Прочного соединения проводов в клемме не оказалось, и по этой причине люстра не так давно начала мигать. Держа клемму пальцами одной руки, отверткой в другой руке он стал закручивать. Работа была завершена. Можно спускаться. И тут произошло то, чего он меньше всего ожидал. Табуретка издала более сильный и протяжный скрип. Массивное тело Максима вместе с табуреткой стало заваливаться в сторону ближайшей стены.

– Плохо, наверное, в прошлый раз.., – пронеслось у него в голове.

Удар пришелся на голову, точнее лоб, и Максим, словно кот на дереве, стал сползать по стене, скользя пальцами и ладонями по ней.

Он был сильно удивлен, что упал и ударился так быстро и неожиданно. Тьма поглотила сознание Максима. Не было ничего и никого, была только тьма. Вдруг откуда-то сверху, с потолка, стал падать свет. Его становилось все больше и больше. Максим понимал, что лежит в своей прихожей, рядом табуретка с тремя ножками, а над ним висит люстра. Вблизи шкаф с куртками внизу и все остальные предметы и вещи в прихожей. Все на своих местах. Он увидел, как лежит, и как свет, ослепительный, яркий, начинает заливать прихожую и все, что в ней. Становится так ярко, что видно все, даже маленькие морщинки на еще не постаревшем лице Максима, будто зажгли тысячи ламп, люстр. Истинный свет, сошедший с небес, становится все интенсивнее. Тени у всех предметов в прихожей исчезают. Становится видно абсолютно все, каждую крохотную деталь. Максим продолжает лежать и чувствует себя несовершенным,

что сейчас он наедине с этим светом. Интенсивность и яркость света продолжают расти. Его мозг понимает, что уже не может быть ярче. Его глаза закрыты, но ему все равно ярко. Света становится все больше и больше. В нем начинают исчезать вещи в прихожей: упавшие куртки, стены шкафа, его полки, вещи в нем, ковер у двери, обувь, табуретка, стены – все растворяется в небесном мощном потоке света. Максим не может встать, приподняться. Он остался наедине с этим нестерпимым мощным все проникающим светом. Всё исчезло, остался только Максим, лежащий на боку в позе зародыша. Сейчас он понимает, насколько несовершенен и насколько не соответствует той атмосфере, которую принес свет. Максим осознает свою слабость, ограниченность и боится этого всепоглощающего света, хочет убежать, но не может. Некуда бежать и негде спрятаться. Ему страшно. Он сейчас там, где нет времени, нет места, нет пространства, нет его прошлого, нет его будущего, есть только он и свет. И тишина, пронзительная, абсолютная тишина. И вдруг Максим слышит два слова: «Ищи жемчужину». Но это был не просто голос. Это был шум, как будто множество водопадов соединились в одном месте. Шум и гул бьющегося о камни и падающего с высоты большого количества воды. Голос, который сказал эти два слова, был очень похож на этот шум, но был ровным, спокойным и обладал колоссальной властью. «Ищи жемчужину» прозвучало один раз, но отозвалось внутри него десятки тысяч раз эхом. «Ищи жемчужину» – все остальное стало не важно. «Ищи жемчужину» – почему он раньше не думал об этом? «Ищи жемчужину» – в твоей жизни должно быть много света! «Ищи жемчужину» жгло изнутри сердце снова и снова и не отпускало своей смысловой нагрузкой и силой.

Вдруг что-то вдалеке начало пищать. Кто-то ворочал смутно видный предмет, похожий на бревно. Постепенно очертания, силуэты, звуки, тактильные ощущения стали ясными. Он лежал в прихожей у стены. Все было здесь. И сломанная им табуретка, и шкаф, и упавшие куртки и другие вещи. Голова болела. Над ним сидела испуганная Таня и трясла его за плечо.

– Максим, миленький, ты меня пугаешь. Отзовись. Максим! Максим?

Он слышал, как она убежала на кухню. Шаги у нее были быстрые, торопливые и маленькие.

– Карманный вариант, – подумал он, – торопится.

На кухне открылся шкафчик, потом другой, зашуршала коробка, где лежали все лекарства.

– Откуда у меня здесь может быть нашатырь? – Таня торопливо размышляла вслух. – Боже мой, какая шишка, Максим!

Послышались ее приближающиеся шаги.

– Максим! – она присела и стала снова дергать за плечо. – Ты меня слышишь?

– Таня, я тебя слышу, – пробормотал он еле слышно, но при этом самодовольно улыбнулся.

Приятно, когда за тобой ухаживают те, кого ты любишь.

– У меня же есть уши, поэтому слышу, – сказал он уже громче.

– Максим, ты такую шишку на лбу набил. Надо вызвать «скорую». Боже мой, ты посмотри, – вскрикнула она, когда он повернул к ней лицо.

Большой синий отек закрывал часть лица и уходил под короткие жесткие волосы в сторону темени и виска.

– Максим, просто кошмар! Как ты себя чувствуешь? – шаги снова зазвучали в сторону кухни, где была аптечка.

– Может, тебе обезболивающее дать? – послышалось с кухни.

Через пять секунд Таня была уже рядом с ним с мокрым кухонным полотенцем, кружкой воды и таблеткой анальгина. Максим все охотно принял.

– Что, испугалась? – спросил он из под полотенца на голове, глядя на её красивое голубоглазое лицо. Сосредоточенно-испуганное выражение лица жены сменилось на растерянное. Нижняя губа затряслась, а глаза немного увлажнились.

– У-у-у-у, морда противная, не люблю тебя больше! Напугал меня до смерти. Я в домофон звоню, никто не отвечает. Думаю, может ты ушел куда. Открываю дверь, а уже вечер, темно, и вижу – ты лежишь и мне не отвечаешь, – говорила она и, обхватив за подмышки, помогла ему сесть.

– Любовь моя, что я хочу сказать, – начал он, как всегда, в своем игриво-смешливом тоне, – Хорошо, что я зубами не стукнулся, а то был бы без передних сейчас.

– Мне не смешно ни капли? Лежишь, молчишь...

– Тань, а у нас есть жемчуг? Это важно, очень важно. Мне нужна жемчужина.

На этой фразе Таня присела на пол и нижняя губа затряслась вновь.

– Ты, Панов, прикалываешься что ли надо мной? Мне ни сколько не смешно!

– Да, я серьезно, я тебе потом объясню.

– Максим, какой жемчуг? У тебя такая шишка на голове. Голова-то болит? Смотреть страшно, надо «скорую» вызывать.

– Да, надо, – согласился Максим, а сам подумал: «Все это так странно. Я ударился головой из-за этой люстры и из-за своей самонадеянности. У меня ничего не болит, такое ясное состояние ума. И эта жемчужина, эти два слова. Они так важны, важны, как никогда в жизни. Но что это? Что это было? Так ярко. Плод моего ума».

Но атмосфера этого ослепительного видения была в его сердце, в мыслях, в сознании. До сих пор сердце горит от этой фразы. Максим понимал, что это не плод его ума, не плод травмы.

– Голова болит? Максим, чего молчишь? – прервала его мысли Таня. – Давай, не пугай меня. Возвращайся к жизни.

– Нет, не болит.

– Посиди здесь, я «скорую» вызову.

Она встала, тяжело вздохнула, включила свет в комнате и пошла на кухню к окну звонить по телефону.

– Алло, здравствуйте. Нам нужна «скорая». У меня муж с табуретки упал. На голове отек и синяк в районе лба и темени. Да, был без сознания, а сейчас он в сознании. Не жалуется. Да, мы здесь живем. Да, он здесь прописан. Да, это Ярославль. Нет, только голова, но похоже сильно стукнулся, немного бреда несет. Ой, ему бы снимок мозга сделать. Адрес, сейчас скажу... Пожалуйста, пожалуйста. Приезжайте.

Она говорила адрес и как объехать бетонный блок в соседнем дворе, через который обычно пытаются проехать к их дому машины. Тем временем Максим вытянул ноги и выдохнул. Он сидел, опершись на стену. Мокрое полотенце съехало с головы на пол. Он продолжал сидеть, слушая, как жена говорит по телефону, как капает на кухне вода из крана, как сосед сверху закрыл дверь у себя в прихожей. Вероятно, он пришел домой с работы. На улице был слышен шум автомобильного двигателя. Сначала он был слабее, потом сильнее, еще сильнее и стал тише. Зашумела вода – это машина проехала большую лужу во дворе. Везде продолжалась жизнь. У Максима сейчас время текло неторопливо, медленно. Он глубоко вздохнул и стал убирать инструмент в ящичек. Табуретку он аккуратно отодвинул в сторону и отвалившуюся ножку положил рядом с ней. Сделал он это так, будто она живая и может снова повредить ему, набросившись на него. Но табуретка, поломанная, лежала и не трогала его.

– Максим, чего ты делаешь? Пойдем на кухню, там подождем «скорую». Должны приехать скоро. Оставь все, я здесь уберу.

– Да, я убрал уже все.

Они сели на кухне и стали пить чай.

– Ой, ну, и напугал ты меня, – сказала Таня, крепко сжимая своими пальцами его руку.

Они ждали минут тридцать. Наконец раздалась трель домофона – приехала машина «скорой помощи». Через минуту Таня стала открывать дверь, и на пороге появились две женщины. Одна из них была красивой, невысокого роста, но уже с морщинками по углам рта и краям глаз. Она была в очках с круглой оправой. У нее было строгое выражение лица и плотно сжатые бледные тонкие губы. Вторая была полноватой женщиной с красным лицом и редкими завитыми волосами, образующими на голове пушистый одуванчик.

– Одуванчик, – подумал Максим.

– Одуванчик, – подумала Таня.

– Бахилы есть у вас? – спросила врач в очках.

– Нет, – немного растерявшись, ответила Таня, и они прошли на кухню, не разуваясь.

Время продолжало плыть медленно.

– Как все долго, – подумал Максим. Он внезапно понял, что устал, очень устал и хочет спать. Врач выслушала его, осмотрела, посветила в глаза фонариком, замерила давление, пульс. Внешне все было в норме, казалось, он был здоров.

– Надо делать томограмму мозга, так как отек сильный. Парень хорошенько ударился.

В то время, как врач осматривала Максима, другая женщина с прической одуванчика получила пару смс-сообщений на телефон. Каждый раз, когда она их читала, хваталась левой рукой за сердце и что-то причитала. Она писала в ответ, но гораздо больше. Наконец, когда осмотр Максима врачом был закончен, и было решено ехать и делать снимок головы, у «одуванчика» заиграл телефон. Она взяла трубку и закричала: «Как ты достал меня, как ты достал! У меня нет ничего! Отстань! Нет, не надо!»

Пьяный мужской голос что-то пытался возразить, но не мог подобрать слова, поэтому иногда просто мычал. Врач в очках со строгим и нахмуренным лицом положила руку на плечо «одуванчика» и пыталась остановить крик, перешедший в истерику и всхлипывания. Лицо кричащей стало еще краснее, и Таня стала думать, есть ли у них корвалол или валерьянка. Максим сидел, нахмурившись, на стуле и молчал. Рядом с ним разыгрывалась семейная драма с пьяным мужем. Разгневанное плачущее женское лицо что-то кричало в трубку и заодно ему в ухо. Вдруг «одуванчик» резко вскрикнула и стала заваливаться на бок, на плечо Максима. Она была полненькой, и они вдвоем поползли вниз. Сначала Максим, потом она. На кухне стало тихо. Стояла женщина врач, не изменившая строгое выражение своего лица с плотно сжатыми губами, стояла Таня. Максим и «одуванчик» замерли, растянувшись на полу в коридоре. Тихонько тикали часы и капала вода из крана. Пауза длилась секунд пять.

– Этот долгий вечер никогда не закончится, – подумал Максим и зашевелился.

– Макс, – проговорила Таня, – все нормально у тебя?

– Да, все хорошо.

Женщина рядом тихо стонала.

Врач посмотрела на Таню, потом на Максима. Затем она наклонилась и сухим голосом спросила свою коллегу: «Таня, слышишь меня?»

Ее звали, как и жену Макса. «Одуванчик» Таня стала потихоньку приходить в себя и еле слышно стонать. Врач дала ей две таблетки под язык.

– Раз вы себя хорошо чувствуете, поможете ее дотащить до машины. Водителю нельзя покидать машину. Это с ней не в первый раз, я знаю, что с ней. Идти ей нельзя. Муж её бедную совсем довел.

– Смогу, – ухмыльнулся Макс.

Врач с Максом спустились вниз во двор. Карета «скорой помощи» стояла у подъезда, заехав на тротуар и освободив таким образом путь другим машинам, которые могли проезжать через двор. Водитель тихонько посапывал, уткнувши лицо в руки, сложенные на руле. Его

густые седые усы чуть шевелились от дыхания. Сейчас во всей вселенной его ничто не тревожило.

– Иваныч! – прокричала врач и постучала ладонью по двери у переднего пассажирского сиденья, – открой нам, Иваныч.

Пожилой мужичок оказался подвижным и быстро открыл дверь.

– А где Таня? – спросил он, поглаживая рукой свою шею. – Опять приступ?

Врач пожала плечами.

– Мы каталку возьмем? Мне молодой человек поможет.

– А где больной?

– Он больной, – кивнула она на Макса.

Иваныч, сощурившись, продолжал гладить шею и глядеть на лоб парня, пока они вытаскивали каталку и везли к подъезду.

– Дожили, больные сами себе каталки возят, – подумал пожилой водитель, проживший долгую жизнь обыкновенного труженика, и, крякнув, запрыгнул в кабину.

Две Тани ждали их в квартире. Одна лежала на полу и была заботливо укрыта пледом, под головой лежала подушка. Вторая Таня сидела рядом на стуле.

– Макс, тебе надо переодеться, ты в домашней одежде.

– Да, – согласился он.

Через десять минут они уже были в машине. Врач села вперед к водителю, а ребята и женщина в каталке разместились сзади. Лицо «одуванчика» стало розовым и спокойным. Заревел мотор. Машина дернулась и они поехали. Стало смеркаться. Летний, но уже прохладный вечер опустился на славный город Ярославль. Они проехали пару улиц и перекрестков, пересекли мост через реку Которосль и устремились по проспекту. Через десять минут они свернули на двух перекрестках направо и добрались до больницы. Все это время, пока они были в пути, жена держала его за руку, положив голову ему на плечо. Они молчали. Максим думал о жемчужине и о том, что с ним случилось.

В больнице им пришлось подождать, потому что вместо него врачи занялись Таней, которую они привезли. Был еще один мужчина, приехавший на другой машине «скорой помощи». Лицо у него было измученное, он был в кресле-каталке. Его тоже пришлось пропустить вперед. Наконец, настала очередь Максима. И врачи стали ругаться, что им привезли здорового парня. Наконец ему сделали томограмму головного мозга, которая показала, что у него все в порядке. Он абсолютно здоров, и нет никаких повреждений черепа и мозга. Ребятам выписали бумаги и отпустили домой.

Когда они вышли на улицу, было уже темно и прохладно. Ребята вызвали такси и добрались до дома. Водитель оказался очень милым человеком и рассказывал им всю дорогу, как он жил в молодости в Германии, и какие там у них сосиски.

Дома, засыпая в кровати, Максим снова вспомнил недавнее видение, этот нереальный неземной свет и громкие слова глубоко внутри себя, от которых сердце горело до сих пор. Он вспоминал это все снова и снова, когда крепкий сон обрушился на него и смел его самого и все эти мысли.

Глава 2

Седые густые волосы, немного сутулая спина, высокий рост, худощавый. У него были длинные руки, и длинные морщины вдоль лица. Глаза с пустым неживым тусклым взглядом. Он не был старым, но казался таким. Таким был Иван Сомов.

Он был колдуном. Зло жило внутри него. Хотя Сомов не считал себя колдуном, он им был. Колдун знал, кто его господин и кому служит. Это был осознанный выбор, принятый по свободной воле.

Он глубоко вдохнул и выдохнул. Скоро свобода. Сомов так давно ее ждал. Ждал он и его господин. Прошло столько лет, прежде чем Сомов сможет сегодня выйти на свободу. Так сильно ему надоела эта тюрьма, люди, серая масса. Он ненавидел людей. Про него говорили, что от него веяло страхом, а если не говорили, то все равно каждый так или иначе, пересекаясь с ним, чувствовал некое присутствие зловещей холодной смерти. Боялись его не только заключенные, но и руководство колонии строго режима. Казалось, что это невысказано или невозможно, но это было именно так.

Как известно, лишение свободы и заключение в тюрьме проверяет людей на прочность. Кто-то, побывав там однажды, решает больше туда не возвращаться, находит в себе силы, меняет свой образ жизни, выйдя на свободу. Кто-то не находит себе места на свободе и возвращается сюда снова и снова, это замкнутый проклятый круг. Сомов же заслужил это место, но не хотел бы вернуться сюда еще раз.

Поначалу для него всё было сложно. Когда человек прибывает в колонию, все, кому надо, уже знают, за какое преступление он осужден. В первую неделю к нему приставали местные тюремные старожилы. После того, как двое заключенных порезали его ножом, он попал в медсанчасть. Рана в правом боку была не смертельная, но глубокая, требовала лечения, наложения швов, ухода. Ему сказали, что он залеживаться не будет. Вся колония по привычке подумала, что это очередная жертва местных тюремных разборок. Однако на следующий день у одного из его обидчиков начались очень сильные боли в области желудка. Заключенного сильно лихорадило, поднялась температура, ломило тело. Его доставили в ту же медсанчасть и положили за коридором из металлической решетки напротив комнаты, где восстанавливался Сомов. Персонал медсанчасти видел, как пару раз Сомов стоял близко с решеткой и бормотал, глядя на палату, где лежал заключенный. Мучившийся лихорадкой и животом прокричал всю ночь и умер на следующий день с крупными каплями пота на лице и широко раскрытыми глазами. Это была страшная смерть. Его уже хотели везти в стационар с охраной, начали оформлять документы, но было поздно.

Второй, из обидевших его, был найден на спортивной площадке. Он лежал в газоне с розами, которые так любил. Говорят, что у него не выдержало сердце. Но знающие люди говорили, что он многое повидал в жизни, и нервы у него были стальные. Не могло сердце подвести его. Такие люди не умирают от болезней, они умирают неестественной смертью.

На пятый день Сомова выпустили из медсанчасти. Простые осужденные обходили его стороной, так как он не хотел с ними общаться, а они его уже начинали побаиваться. Очевидно некоторые круги заключенных были недовольны тем, что погибли при странных обстоятельствах двое их товарищей, и решили испытать судьбу еще раз. В банный день его жестоко избил один из заключенных и затолкал под лавку ногами. Через пару дней обидчик стал слышать странные голоса, они были то тихими, то громкими, иногда они просили его или о чем-то кричали, а потом наступила тишина, такая невыносимая и пронзительная, что человек не выдержал и бросился бежать. Его расстреляла охрана. Ждали до последнего момента, стреляли в воздух, но когда он в своем безумии с разбегу взобрался на забор внешнего периметра с колючей

провоолокой, открыли огонь на поражение. В колонии Ивана Сомова с тех пор больше не трогали.

Через пару дней приезжал журналист из правозащитной организации, но репортажа не получилось – не пустили. Журналист и оператор отсняли материал у стены колонии и уехали, а спустя полчаса приехала группа следователей и чиновников по факту недавних смертей аж трех заключенных. Начальник исправительного учреждения был в ярости. Сомова, избитого, еще с наложенной повязкой на рану от первой драки, привели в кабинет. Начальник, повидавший много разных людей за два с половиной десятка лет работы в правоохранительных органах и системе исполнения наказаний, удивился виду заключенного. Сомов не впечатлил его. Однако взгляд у того был холодный, бездушный, и в то же время не такой, как у матерых уголовников. Сомов знал, что начальник колонии занимается незаконной продажей спецодежды, которую делали местные заключенные. У него был конкурент, который имел свой цех за городом. Сомов и попросил фото конкурента, на что начальник пренебрежительно швырнул журнал о бизнесе. На обложке улыбался полный и с большими залысынами мужчина с большой черной родинкой на носу.

Через неделю конкурент закрыл производство и уехал в другой город. Начальник колонии узнал из достоверных источников, что причиной этому послужили внезапные проблемы со здоровьем. С тех пор колдуна Ивана Сомова никто в колонии больше не трогал. Не трогало руководство тюрьмы, не трогала охрана, не трогали заключенные. Люди ненавидели его и боялись одновременно. Несмотря на власть, которой он обладал в духовном мире, он тоже боялся, что его могут покалечить или убить. Негласное соглашение повисло в воздухе между ним и остальными заключенными: вы не трогаете меня, я не трогаю вас. Ни одна из сторон этого соглашения не хотела переходить границу.

Спустя полгода с того момента, как Сомов сел в тюрьму, заключенные разглядели в нем злой дар колдуна и стали прибегать к его услугам. Однако, он делал это выборочно. Оказалось, что колдун за вознаграждение или услуги может повлиять на неугодных людей в невидимом духовном мире. Он не принимал заказы против заключенных из своей колонии, потому что знал, что ему еще с ними отбывать срок в десяток с лишним лет. Зло, причиненное людям, которые будут с ним в одной тюрьме длительное время, могло обернуться злом для него.

Спустя пять лет сменился начальник колонии, который пытался заставить Сомова с его темным даром работать на себя. Колдун сопротивлялся, как мог. Пару раз его до потери сознания били заключенные, после этого новый начальник покинул занимаемую должность. Вновь пришедший начальник боялся Сомова как огня и повесил в свой кабинет три старинные иконы.

С того момента жизнь колдуна в тюрьме была размеренной и неторопливой. Благодаря оккультным услугам, оказываемым в колонии, у него было все, что он хотел из одежды и еды.

Он ждал конца своего срока и копил силы для важной миссии.

И вот теперь Сомов стоит на улице, за спиной закрываются большие ворота, покрашенные свежей зеленой краской, и с колючей провоолокой сверху. Там, за ними охранники, которые ненавидели его и избегали смотреть ему в глаза.

Он стоял на улице один и держал все, что у него было в этом мире – пакет вещей. Никто не встречал его, никому Сомов не был нужен. Но он знал, что нужен своему господину.

Миссия, которую поручил ему его господин, была непростой, но не сложной для него. Он ждал момент, когда выйдет на свободу, и вот этот час настал. Господин велел убить троих человек: молодого парня, женщину и священника. Для дьявола это было очень важно, а значит и для него.

В тюрьме за десяток с лишним лет он сблизился с некоторыми людьми. Одним из них был заключенный, которого все звали Штырем. Штырь сидел несколько раз и был пожилым человеком. Жизнь его была полностью разрушена. Ни семьи, ни дома, ни детей, только список статей, неспособность жить на свободе, нежелание как-либо работать. У Штыря был даль-

ний родственник Слава по прозвищу Картавый. Называли его так потому, что у него был соответствующий дефект речи. К моменту выхода Сомова из тюрьмы Славе было двадцать семь лет, и он очень гордился тем, что его дядя в заключении. Перед своими друзьями Слава часто упоминал дядю и выдумывал ему и себе участие в каких-нибудь бандитских группировках, разборках, встречах. Он также любил одеваться в фирменную спортивную одежду, которой у него было немного, и которую занашивал до неприличного, совсем не фирменного состояния. За такой подход к одежде друзья за спиной звали его Слава-Адидас. Слава очень гордился, когда его дядя просил встретить кого-нибудь из тюрьмы или передать посылку. Для этого он брал с собой кого-то из друзей, чтобы они видели его значимость и связь с криминальным миром. Однако сегодня Слава ехал один. Штырь дал ему задание подвезти до города совсем другого человека, не Сомова. Однако Адидас проявил невнимательность и дождался первого вышедшего из ворот колонии – Сомова. Штырь не стал бы отправлять опасного колдуна со Славой, и когда узнал, что в этот день вышло два человека, грубо выругался. Сомова по плану Штыря должен был везти другой человек, молчаливый и угрюмый. Это как раз то, что было нужно колдуну.

«Лада» девяносто девятой модели темно-зеленого цвета с пятнами ржавчины на подкрылках, крышке багажника и крышке капота, с тонировкой, уже местами отслаивающейся на задних дверях и заднем стекле, скрипя и громыхая, лихо подлетела и остановилась перед Иваном Сомовым. На зеркале заднего обзора георгиевская ленточка. Водитель, полноватый парень в потертom спортивном костюме, который местами вместо черного цвета стал коричневым. Лицо все в веснушках. На голове короткие вьющиеся огненно-рыжие волосы, в которых виднелись черные солнцезащитные очки. Слава-Адидас убавил звук шансона, мощно бившего из машины в стены колонии и охранника на вышке.

– Ну, что, браток, вот ты и вышел, – сказал водитель, сощуриw глаза от улыбки. – Ты от Штыря?

– Я, – сказал Сомов и закинул пакет на заднее сиденье, а сам сел вперед. Он пожалел об этом уже через пять минут.

Парень снова сделал громче шансон и машина понеслась по летней дороге.

– Следующая остановка конечная, – сказал Слава и тихонько засмеялся. Это напомнило Сомову крики осла, только очень-очень далеко.

Это был жаркий день. Наконец после холодных дождей и ветров пришло лето, не по календарю, а по теплу и жарко припекающему все солнышку высоко-высоко в голубом небе.

– Ну, что я хочу тебе сказать, – дергая рычаг переключения скоростей, стараясь перекрыть песню, громко сказал Слава, – Сейчас приедешь, помоешься и будешь как новый человек. Отдохнешь немного, осмотришься и за дело.

На этой фразе Слава похлопал Сомова фамильярно пару раз по плечу, так что седая голова Сомова качнулась в такт руке водителя.

– Что за олень? – подумал про себя Иван. – Кого мне Штырь прислал? Он что, не знает, как я людей ненавижу?

– Ты сам как, чего думаешь, братан? – не унимался Картавый.

– Ничего не думаю, – вздохнул Сомов.

– Да, я понимаю, тяжело тебе, но ты скоро привыкнешь. Свобода – это как вино, братан. Чем больше свободы, тем пьянее становишься.

Эту мысль Слава видимо подцепил у кого-то из бывших заключенных.

– Ты сам-то откуда? Браток?

– Из Ярославля.

– А че кислый такой? Солнышко тебя разморило что ли? – тут осел снова «загигикал» вдалеке.

Машина нагрелась под солнцем. С дороги поднималась пыль. Не было даже легонького ветерка, который мог бы принести облегчение. Казалось, машина сейчас расплавится, и не только она, но и мысли в голове Сомова плавильсь и становились более тяжелыми, неповоротливыми.

– Вода есть у тебя? – спросил Сомов, глядя на раскаленный асфальт с трещинками, который быстро убежал под машину.

– Да, бутылка на заднем сиденьи.

Иван развернулся и достал с заднего сиденья бутылку холодной газированной минералки. Она была уже открыта. Он брезгливо протер горлышко бутылки краем футболки, сделал несколько глотков. Освежающая жидкость смочила пересохшие губы и рот. Машина уже двигалась достаточно быстро, и от скорости воздух бил в лицо и в кабину, приятно все освежая. Сомову стало легче.

– Не волнуйся, я только китайской пневмонией болею, – прокричал Слава через ветер и музыку и разразился очередным приступом смеха.

Мысли Сомова были вдалеке. Он был мрачным и неразговорчивым человеком. Чем больше водитель болтал, чем более навязчивым было его поведение, тем мрачнее становился Иван, и более черными – его мысли. Все его навыки были направлены на то, чтобы разрушать жизни людей, их здоровье, будущее. Парень управлял машиной, в которой ехал Сомов, поэтому с водителем он ничего сделать не мог. Его можно было попросить помолчать или резко осадить. Ни того, ни другого Сомов делать не хотел. Не хотел из гордости просить. Он мало кого просил в этой жизни. Орать тоже не хотелось, так как голова начинала болеть все сильнее и сильнее.

– Тут, браток, дело такое. Сейчас «центровые» поднялись и подмяли снова рынок и администрацию на «Пятерке», – начал свои криминальные байки Слава. Он до сих пор жил в девяностых годах. Тогда он был еще подростком, но ему очень хотелось носить титул бандита и иметь авторитет опасного человека среди друзей. На дворе, тем временем, шел 2010 год.

Из динамиков звучала известная в жанре шансона песня о любви к своей подруге. Мимо пролетали дома, деревья, машины. Снаружи от машины, возможно, были другие люди, более интересные судьбы, и они тоже могли что-то рассказать. Сомов посвятил себя злу, был жестоким человеком, вспыльчивым и импульсивным и никогда не терпел подобных людей рядом с собой.

Тем временем Слава подбирался к кульминации одной из своих любимых баек, как они со Штырем и другими пацанами пошли на разборки с «центровыми». Последних было больше, но рассказчик не испугался. Глаза у водителя заблестели в творческом азарте. История обростала новыми подробностями. Такое бывало с ним иногда, и друзья ловили его на новой лжи, но он всегда выкручивался. В конце концов, может человек немножко преувеличить. Оказывается, у «центровых» были не только пистолеты, но и «калаш». Это, видимо, имелся в виду автомат Калашникова. И Слава тогда со Штырем вышли вперед и разговаривали с главным от своих оппонентов. В колонках зазвучала одна из известнейших песен в криминальных кругах, Адидас продолжал свою байку.

– У меня сейчас давление поднимется, – подумал Сомов, потирая морщинистый смуглый лоб. Голова начинала наливаться чем-то тяжелым. – Сдохну здесь, до города труп довезет. Я его просто придушу, – подумал он. – Сверну ему шею, как курице.

– И тут браток, понимаешь, я его так за горло беру... – доносилось с водительского сиденья.

Это стало понятно сразу, что он ехал с молодым парнем, который в жизни пороку не нюхал. Люди, которые видели зло наяву в этой жизни или сами его творили, не ведут себя так и не вспоминают, по крайней мере, только для дела. Но это парень со стороны Штыря. В колонии Штырь обратился к нему за помощью, и Сомов качественно наколдовал. Штырь же

избавил его один раз от стычки с заключенными. Штырь же приводил к нему денежных клиентов из среды осужденных. Между ними существовало взаимовыгодное сотрудничество.

Адидас был плохим психологом. Присмотрись он внимательнее, мог бы сразу понять, что рядом с ним едет человек опасный.

Сомов протянул смуглую руку и выключил магнитолу.

– Посидим, помолчим, – сказал он.

– Да-да, браток, конечно. О чем речь. И я ему говорю, типа.., – продолжал Слава. Он не обратил внимания на слова о тишине.

Какое-то страшное знакомое давление поднималось внутри Сомова. Он знал, что в эти моменты он колдовал, калечил жизни людей, делал зло. Голова раскалывалась от боли, она как будто наливалась свинцом. Он чувствовал, как сердцебиение эхом отдается в голове.

– Надо это прекратить, иначе все пожалеет, и он, и я, и Штырь, – пронеслось у него в голове.

Мощный подзатыльник прилетел в Славину голову, которая резко дернулась. Очки отскочили в лобовое стекло и упали на торпеду машины.

– Тебе сколько лет? – заорал Сомов ему в ухо. Глаза у него налились кровью, вздулась вена на лбу. – Ты че, краев не видишь? – продолжал он.

Несмотря на худое телосложение, удар был сильным, и Слава удивился. Вместе с подзатыльником пришло немного мудрости.

– Успокойся, браток, че стряслось? Псих ты, что ли? – выплюнул с обидой из себя слова парень.

– Еще слово, – заревел Сомов, – и я тебя на куски порежу. Заткнись!

Минуту они ехали в абсолютной тишине. Машина тихонько поскрипывала, и что-то громыло в багажнике. Ветер через открытые окошки бил в их лица теплым воздухом. Солнце палило. За эту минуту Сомов немного стал приходить в себя. Ярость и желчь еще клокотали внутри, но с криком вышла часть злобы. Мысли же Славы сменяли одна другую со скоростью света. Он никак не мог понять, что везет, как думал, мужичка, попавшего по глупости, по трагическому стечению обстоятельств. Почему же от него веет таким злом? Никак Слава не мог предположить, что он ошибся, и везет не того человека. К концу минуты парню стало обидно за то, что он связан с криминальным миром, а в его воображении не просто связан, но является активным участником бандитских разборок и состоит в одной из группировок. Обидно, что, в общем, друзья и знакомые парни ценят его и уважают, хоть и смеются над ним иногда. С его пассажиром было все по-другому – Славе нужно бояться этого странного мрачного человека. А кто он такой, этот знакомый Штырь? Разве можно себя так вести со Славой? И тут водителю захотелось реванша.

– Братан, да, это ты краев не видишь, – огрызнулся Слава.

Сомов молниеносно принял вызов. Дорога, по которой ехала их машина, состояла из одной полосы в одну сторону движения и одной полосы в другую. По счастливому стечению обстоятельств прилегающая к дороге неасфальтированная часть была широкой и с той, и с другой стороны. На этой обочине легко могла разместиться машина, не создавая при этом помех движению другого автотранспорта. На расстоянии пятидесяти метров по встречной полосе от них ехала большая грузовая фура. Ее водитель наслаждался солнышком, припекающим его левую щеку, и слушал музыку, но не шансон.

Сомов молча, с перекошенным от злобы лицом, наклонился к Славе и крепко схватился за руль. Колдун хладнокровно, но уверенно, без дрожи в руках повернул руль влево и направил машину навстречу фуру. Лицо Славы побледнело, смертельный холод пробежал по спине и затылку. Ожидание чего-то страшного и неизбежного впилося в сознание. Парень вцепился руками за руль, но не мог его повернуть, как ни старался. Лицо же Сомова было одновременно

злое, но спокойное. Вдвоем они уставились на фуру, которая стремительно неслась на них, отчаянно сигналила и моргала фарами.

Водитель грузовика, пожилой мужчина с густыми усами, с ужасом наблюдал, как бешеная «Лада» несется ему под колеса. Дома его ждала жена Даша и две красивые дочки подросткового возраста, дома его ждал горячий суп. Он почти доехал. Вся жизнь пробежала у него перед глазами, жизнь честного и надежного труженика, работающего только для своей семьи.

Почти одновременно «Лада» и грузовик стали тормозить, неумолимо приближаясь друг к другу. Несмотря на то, что скорость обеих машин заметно спала, столкновения было не избежать. Удар от столкновения мог быть чудовищной силы. Водитель грузовика, видя, что «Лада» не меняет направление движения, стал уходить от столкновения и направил грузовик на обочину, так как она была достаточно широкой. Однако его маневра не хватало, чтобы избежать столкновения. Теперь все зависело от движения «Лады».

В это время в «Ладе» девяносто девятой модели двое мужчин крепко вцепились за руль. Пальцы у обоих побелели. Теперь они кричали, никто никого не стеснялся. Это была абсолютная свобода выражения своих мыслей и чувств. Лицо Сомова было перекошено от злобы. Он орал стабильным мужским басом. Лицо Славы было бледным-бледным. Сначала он орал, как кошка перед дракой, громко, выразительно, но потом он перешел на более высокий и жалобный кошачий визг. В этом визге слышалось нестерпимое невыносимое желание жизни, животный инстинкт самосохранения. Рот его был открыт, как у большой рыбы. Так, с душераздирающими криками, они неслись на грузовик.

Примерно в пяти метрах от фуры Сомов отпустил руль и выпрямился, закрыв лицо скрещенными локтями. Это был последний шанс Славы на жизнь, он резко дернул руль вправо. Фура, цепляя край внешней стороны обочины, постепенно сбавляла скорость. Водитель грузовика не стал останавливаться. Подняв пыль на обочине, он поехал дальше. К сожалению, таких ситуаций на дорогах бывает немало. Он многое повидал на своем пути.

«Лада» девяносто девятой модели выехала на другую обочину и заглохла. Она утонула в клубах дорожной пыли. Пыль через открытые окна залетела внутрь машины и покрыла салон и пассажиров. Сомов сидел по-прежнему со злым, но уже более спокойным лицом. Он был удовлетворен тем, что проучил парня, наслаждался болью и страхом, которые доставил Славе. Головная боль потихоньку проходила. Слава же сломался. Из его глаз по пыльным щекам текли слезы, парень всхлипывал. Его плечи дрожали. Он старался вытереть глаза руками. Из-за этого его лицо стало испачканным.

– У него есть надежда исправиться, стать другим, радоваться этому проклятому солнцу, сделать детей, таких же сопливых, как он. Но это не для меня. У меня нет шансов и нет желания. Все понятно с этой поганой гнилой жизнью, – пронеслось в голове у Сомова.

Тем временем Слава успокоился. Благодаря жестокому поступку злого человека он превратился в того, кем он был на самом деле, – в простодушного, доброго, безответного паренька с большим количеством веснушек и огненно-рыжими волосами. Просто он связался не с той компанией. Слава еще два года побарахтается в этой околориминальной жиже. Наконец он перестанет поддерживать связь со Штырем и доучится в институте, потом устроится автослесарем. Дела его пойдут в гору, не сразу, постепенно он начнет зарабатывать нормальные деньги. К нему будут ездить со всего города, и он будет работать еще и у себя в гараже. Еще через год он повстречает Катю. Она будет образованной девушкой из хорошей семьи. Он влюбится и будет завоевывать сердце Кати, иногда неуклюже, как медведь. Но это будет по-настоящему, и это будет их счастье. Еще через полгода они поженятся, а еще через год у них родится мальчик с огненно-рыжими волосами и веснушками на лице. Тогда Слава поймет, какая она настоящая жизнь. Он будет сильно-сильно любить жену и сынишку. Сомов этого не знал, но был прав относительно парня – «у него есть шанс».

Сомов достал бутылку с уже нагретой газировкой, которая от торможения прилетела с заднего сиденья к нему в ноги, и отпил пару глотков.

– Вытри сопли, и поедем. Ты меня не за того принял, парень. Мне нужно в общежитие на проспекте Ленина во дворах. Это там, где два корпуса рядом. И больше ни слова, – и тут Иван улыбнулся впервые за этот день.

Слава стряхнул пыль с рукавов, выдохнул и завел машину. «Лада» девяносто девятой модели ехала по летней солнечной дороге в абсолютной тишине.

Слава уже понял, что человек, которого он везет – не тот, который должен быть. Адрес доставки, соответственно, тоже не тот, точно не общежитие на проспекте Ленина. Он не стал переспрашивать адрес, а покорно повез, куда ему сказали. Постепенно парень успокоился, мысли его были далеко за пределами машины.

Когда они подъехали к зданию общежития, было около четырех часов дня, но солнце по-прежнему сильно палило. Во дворе многоэтажки была огромная, еще не высохшая лужа, в пятнадцати метрах от нее играли в футбол дети. Периодически раздавались глухие удары по мячу и детские крики. От входа, который был в углу дома, вниз вела бетонная лесенка из нескольких ступенек. Она была широкой и большой, спускалась прямоугольником, так что ступеньки были на две стороны параллельно одной из стен здания. Несмотря на то, что у лесенки не было пандуса или просто примитивных рельс для спуска колясок, рядом стояли две молодые мамочки и держали своих малышей в руках. Чуть подалее стояли их коляски. В нескольких метрах от лесенки возле мусорного бачка сидели на лавке три бабушки и внимательно за всеми следили. Во дворе не было деревьев, только пара невысоких кустов акации. Никто и ничто в этот час не могло скрыться от палящего солнца.

Сомов вылез из машины, забрал пакет с заднего сиденья и, не попрощавшись со Славой, направился к входу в общежитие. Парень не стал дожидаться, когда фигура колдуна скроется в дверях входа, быстрее развернул машину и выехал из двора, будто он участвовал в соревновании, кто первый покинет это место.

Здание, в которое прибыл Сомов, ранее, в годы советской власти, было коммуналкой, затем, позже, ближе к девяностым, оно стало общежитием. В нем сделали ремонт, стали заселять работников моторного завода. После перестройки началась приватизация. В здании появилось много собственников, основная часть которых проживала в своих квартирках и по сей день. Часть квартир приватизировал уже тогда предприимчивый чиновник из департамента строительства Степан Иванович Вавилов. Сейчас, спустя два десятка лет, он был руководителем крупного строительного холдинга, а свои квартиры переоформил на дочку Варюшку. Варвара Степановна являлась учредителем и директором агентства недвижимости, которое, в частности, и сдавало в аренду эти жилые площади. Штырь дал Сомову адрес этого здания, потому что там было недорогое, но вполне сносное жилье. Оптимальное соотношение цены и качества. Для Ивана это был выгодный вариант, так как ему хотелось затеряться среди людей, но чтобы он имел свой угол, и ему никто не мешал.

На первом этаже рядом с входом располагалась кладовая, где хранился рабочий инвентарь уборщицы и дворника. Дверь в нее всегда была открыта настежь и запиралась только на ночь. Здесь сидела бессменная Валентина Захаровна Триногова. В ее обязанности входили показ квартир, принадлежащих агентству Варвары Степановны, заключение договоров на аренду жилья, сбор оплаты, выдача ключей. Также Валентина Захаровна вела от лица жильцов переговоры с разными обслуживающими и сбытовыми организациями. В доме было оформлено ТСЖ, и у Варвары Степановны была мечта организовать свою управляющую компанию. Здесь присутствовал и корыстный, и организационный моменты. Часто участники ТСЖ не могли долго решить какой-либо хозяйственный вопрос. Собрания нередко заканчивались скандалами. Мужики махали руками и уходили. Женщины, затеявшие конфликт, продолжали выяснять, завозить песок на площадку или нет, ремонтировать кровлю или нет, менять трубы

на полипропиленовые или нет, и многое другое. Это напоминало со стороны телевизионные политические передачи. Поэтому создание управляющей компании во главе с Варварой Степановной и её «правой рукой» Валентиной Захаровной было самым вероятным событием в ближайшие месяцы.

Рабочая комната Валентины Захаровны представляла собой узкое помещение два метра в ширину и семь в длину. Одно единственное окно закрыто рулонной шторой. От окна в сторону выхода на расстоянии двух метров натянута ширма, представляющая собой кусок бельевой веревки, покрытой уже серо-желтой шторой. Здесь была раздевалка дворника и уборщицы. У выхода из комнаты стоял старый, покрытый лаком темно-коричневый стол, на котором были навалены папки и бумаги со счетами, договора с обслуживающими компаниями, договора с жильцами Варвары Степановны. В углу на столе располагался компактный цветной телевизор. По телевизору показывали новости. Журналист из европейской страны рассказывал, как местные фермеры страдают от российских санкций и терпят убытки. За столом сидела седая, но еще молодая худощавая женщина. У нее были очки с толстыми линзами. Она сидела, сложив руки на столе, внимательно глядя в телевизор. Седые густые волосы были собраны в пучок. На водолазку надет теплый старенький кардиган, а на ногах – черные брюки. По внешнему виду она напоминала работницу библиотеки. Такой была Валентина Захаровна, а её рабочая комната была центром по сбору слухов, сплетен и ссор. Оперативный центр многоквартирного дома.

Сомов постучал двумя пальцами в открытую дверь. Валентина Захаровна на секунду задержала взгляд на нём и снова вернулась к телевизору. Европа не справлялась с ответными санкциями России.

– Очередной клиент. Снова посмотрит и уйдет, – подумала она. – Будет все выспрашивать подробно, потом скажет: что вы мне подсовываете за такие деньги? И уйдет.

Снова раздался стук в дверь, уже более настойчиво. Сомов впился взглядом в Триногову.

– Покажите мне квартиру, я хочу остановиться у вас.

– У меня вы, мужчина, не остановитесь и во...

– Я вижу, что мужчины у вас не останавливаются. Вы меня не интересуете, – перебил её Сомов

– Вас что, не учили, как обращаться с женщинами? – вспыхнула в гневе Валентина Захаровна и залилась краской. Удар был сразу «ниже пояса». Она, к сожалению, была одинокой женщиной. И проблема была не в её седых волосах, не в худобе, и даже не в характере. Она слишком много копала в каждом потенциальном претенденте на роль спутника её жизни и от этого страдала, так никого и не выбрав.

– Я сюда не обращаться с женщинами пришел, мне нужно жилье, – сказал Сомов, выделив каждый звук в словах. Он был спокоен.

– Вот упырь, – подумала Валентина Захаровна, – даже ни капельки волнения. Может дать ему ту «однушку», где унитаз подтекает и краны гудят. Порадует соседей ночью, мой фекальный дружок.

– Хотите с видом на проспект? – спросила она, мило улыбнувшись Ивану. Враг-женщина очень опасна своей коварностью и мстительностью. Квартира, которую она захотела предоставить, Сомову как раз выходила окнами на проспект Ленина.

– Мне нужна квартира подальше от людей, особенно таких, как вы. Не хочу на проспект, дайте другую.

– Жалко, мой друг, – подумала она. – Прибежал бы ты ко мне через пару часов с криками, я бы тебе тряпок уборщицы дала пол в туалете вытирать, а может, закрыла бы все и на чай ушла.

Месть не удалась. Валентина Захаровна начала разрабатывать второй более коварный план. Чувство желчи и обиды переполняло её. Ей было больно, что незнакомец за пару минут так сильно задел её за живое. Больно обычно там, где не получается. Мудрые люди считают,

что больно там, где пока не получилось. В этом большая разница, но Валентина Захаровна уже сдалась.

– Есть только одна окнами во двор, смотреть будете?

– Нет, буду вами любоваться. А как вы думаете? – прилетел очередной грубый ответ.

Снова стало больно на сердце. Если убрать седые волосы и очки, она была хорошенькой. Если она хотела, то могла быть очень милой. Почему с ней так, почему больно всю жизнь? Она никому ничего плохого не сделала. По телевизору тем временем домохозяйка выпила глоток кофе и вдруг очутилась на красивом побережье в вечернем черном великолепном платье. Идеальная прическа. Красивые, немного выющиеся волосы спускаются по обнаженным плечам. Их развеивает легкий ветерок с моря. Она идет босиком по песку. За спиной красивый закат и пенящееся у пляжа нежное море. Навстречу ей выходит красивый смуглый молодой мужчина и подает ей руку. У него голливудская обворожительная улыбка, светлые волосы и голубые глаза.

– Где бы мне такого кофе попить? – подумала про себя Триногова и поняла, как отомстить упырю. Он ведь торопится быстрее заселиться и спрятаться от людей.

– Ускорим ваше заселение, – подумала она. – Так, где же у меня ключи?

Валентина Захаровна сознательно закрыла ящик с ключами на стене у телевизора, поставив вертикально «Книгу о вкусной и здоровой пище», встала со стула и стала осматривать один за другим выдвижные ящики своего рабочего стола.

– Ключи, ключи, где же ключи? 108-й, это 212-й, нет, 215-й. Это Фомичев взамен сломанного вернул. Это вообще непонятно чьи. Почему без номера? Да, надо позвонить Ивановне, она что ли бросила их? – и стала звонить по сотовому телефону, который лежал рядом на столе. Старенький поцарапанный телефон с кнопками.

– Видно, одного молодого дурака на мой первый день выхода с зоны мало было. Я её сейчас убью, – тяжелое внутренне злое напряжение поднималось внутри Сомова. – Прокляну, и засохнет здесь.

– Ивановна, здесь мужчина ждет, посмотреть хочет 213-й номер. Ключи без номера здесь лежат, это они? – милым дружелюбным голосом заговорила Валентна Захаровна. На самом деле она знала, что ключи от квартиры с номером 213 висят в ящичке, который якобы случайно прикрыт книгой.

Через пять минут поиска ключей Сомов стоял красный, как помидор. За это время он слетал за пределы нашей галактики на много световых лет вперед и вернулся назад. Он не умел ждать, не любил терпеть и ненавидел людей.

Триногова заигралась и когда увидела, что два глаза сверлят её взглядом из «красного помидора», поняла, что месть удалась. Надо было еще показывать ему квартиру. Ей стало страшно, так как Валентина Захаровна почувствовала его напряжение. Она разбудила это зло.

Он боялся, как бы ему ее не убить. Валентина Захаровна молча протянула ключи. Сомов выхватил их быстрым боковым движением руки, будто большая кошка.

– Я вам покажу сейчас.

– Я сам. А ты здесь останешься.

– Да, мне и не больно хотелось идти с вами, мужчина. Семь тысяч аренда в месяц, плюс коммунальные. Семь сейчас, сразу, как предоплата за месяц вперед.

Две скомканные пятитысячные купюры упали ей на стол.

– Переплату на следующий засчитай.

По телевизору началось очередное шоу. Пожилой мужчина рассказывал о том, как сурова жизнь, и что всем женщинам нужны только деньги.

– Мне ваш паспорт тогда нужен, надо договор заключить.

– Потом заключим, – прошипел Сомов и ушел.

– Псих, – пробормотала она и села смотреть шоу, спрятав предварительно купюры в металлическую баночку в верхнем ящике. Рядом лежала тетрадь, куда она внесла сумму и номер квартиры. Графа с ФИО и номер телефона арендатора остались пустыми. В телевизоре три женщины отчитывали мужчину за то, что он всю жизнь был жадным до денег и не делал щедрых подарков своей бывшей жене и дочке. В глубине души Триноговой было больно. Несмотря на сплетни она была хорошим и справедливым человеком. Она многим помогла по дому.

Сомов поднялся по пыльной, освещенной лучами солнца, лестнице на второй этаж и повернул налево. Мимо с шумом пробежало двое мальчиков лет восьми-десяти. Он прошел по коридору с дверями по обе стороны и остановился напротив квартиры номер 213. Деревянная дешевая дверь, обитая утеплителем темно-коричневого цвета, со следами царапин у замочной скважины под ручкой. Два поворота ключа вправо и дверь открылась. Шагнув за порог, он увидел крошечную прихожую, состоявшую из тумбочки для обуви и вешалки над ней на стене слева, коврика под ногами, и двери в совмещенный санузел справа. Прямо из прихожей небольшой коридор вел на маленькую кухню. Там стоял старый холодильник и молчал. По его виду и возрасту можно было предположить, что он будет греметь, как трактор. Однако, когда Сомов его включил, холодильник на удивление заработал тихо. Тут же на кухне был старый светлый стол, уже пожелтевший от времени, со следами множества порезов от ножа и двумя коричневыми пятнами. Предыдущие арендаторы были не особенно аккуратны. Под столом стояли два светлых деревянных табурета с уже отвалившейся местами краской. Напротив стояла плита, а справа от нее – раковина. Над раковиной висел кухонный шкаф с посудой.

Из коридора между прихожей и кухней был вход единственную комнату. В ней на немного покосившемся карнизе с большими кольцами висели старые плотные черные шторы. Напротив окна у стены стоял сломанный разложенный диван. Когда-то давно он мог складываться, но сейчас эта функция не работала. Напротив дивана посреди комнаты стоял стол, покрытый бело-синей свежей скатертью из полиэстера. На нем были навалены небрежно газеты с рекламой. Также на столе стояло два стакана, пепельница и чистая эмалированная тарелка. В одном углу комнаты стоял старый трельяж, покрытый пылью. В другом углу у окна стоял современный плоский телевизор, тоже на старой тумбе. Таким было скромное убранство нового жилья Ивана Сомова.

Он зашторил окна в комнате и на кухне. Спустя пять минут в эмалированной тарелке на столе тлели и горели клочки газеты. Сомов занес руку над тарелкой и сделал надрез ножом на запястье, не глубокий, но достаточно длинный. Кровь закапала в тарелку. Сквозь закрытое шторами окно доносились крики детей из двора, шум машин с проспекта. У соседей за стеной громко работал телевизор. В комнате было тихо, только слышался звук от падающих в горящую бумагу капелек крови. Колдун стоял над тарелкой, вытянув руку, а в другой держал нож. Он тихо, но напряженно и быстро бормотал. Наконец его напряжение спало, и он, облегченно вздохнув, повалился на диван, комфортно расположившись на нем. Маленькая струйка дыма поднялась вверх, запахло паленым. В плохо освещенной комнате, казалось, стало еще темнее. Она наполнилась чем-то. Атмосфера поменялась. Нечто темное, леденящее, злое, жестокое, сильное, всевластное заполнило воздух. Физически ни одна штора не колыхнулась, не было ни малейшего движения вещей, шороха, но его господин был здесь. Вечное зло пришло. Это была личность, реально существующая. Её называют по-разному. В классических произведениях ей приписывают мудрость, обходительность, утонченный вкус, некое понятие справедливости, особенную красоту. В реальности это было вечное безумное зло, которое являлось личностью, обладало разумом, эмоциями, двигалось, говорило, слышало, дышало. У любого маньяка или садиста есть похожая природа, природа дьявола. Дьявол приходит, чтобы украсть, убить и погубить. Он приходит, чтобы уничтожить жизни людей. Это машина ненависти и убийства. Он получает наслаждение от убийств, пыток, насилия, лжи, ран, измен, предательств и много

другого. С ним нельзя заигрывать, но Сомов заигрался. Он попал на крючок уже очень давно и не мог выйти, остановиться. Сначала ему понравилась та власть, которой колдун стал обладать в духовном мире над людьми. Спустя время он понял, насколько глубоко погряз в этом зле, и что пути назад нет. И он служил, и служил, и служил своему господину. Иногда во время таких злых молитв тьма настолько поглощала его разум, его волю, эмоции, что Сомов уже не знал, где он, а где его господин. Колдун уже не был единственным хозяином своей жизни. Его воля контролировалась то слабее, то сильнее, но это не проходило полностью никогда. У него был господин. Его не видно, так как это духовное существо, но можно с ужасом ощутить всем своим сердцем. В квартире номер двести тринадцать бывшего общежития на проспекте Ленина поселилось зло.

Глава 3

Лучики солнца нежно ласкали лицо Макса, проникая в комнату через щель в шторах. Наступило утро, солнечное и летнее. Скоро должна прийти дневная жара, зной и духота, но пока город еще спал. Максим повернулся на бок и обнял Таню рукой. Она лежала на боку спиной к нему и спокойно дышала. Ей снились красивые длинные сны, женские, с подробностями и деталями, на которые мужчины обычно не обращают внимания. Казалось, их однокомнатная квартира тоже спала, только очень тихо, не дыша. Комната постепенно наливалась через шторы светом и теплом. У четы Пановых начинался новый день.

Максим в душе боролся с двумя желаниями – разбудить жену, так как ему хотелось с ней поговорить, посмеяться, или дать ей поспать и посмотреть свои девичьи сны с подробностями и деталями, о которых она так любила ему рассказывать.

Максим не жил с ней до свадьбы и поэтому переживал, какой будет их семейная жизнь. Жить вместе он не хотел принципиально. Этот подход к отношениям удивил Таню, но она согласилась. Увидев, что это необычный молодой человек, она оценила эту романтику и его принципы. Через полгода свиданий, полных общения на любые темы, взаимной дружбы и уважения, понимания, временами – терпения, причем, с обеих сторон, Максим сделал Татьяне предложение. Она согласилась сразу, несмотря на то, что некоторые подруги советовали ей помучить своего избранника, и сказала «да». Спустя неделю после этого важного события в их жизни, они впервые очень сильно разругались. Как это нередко бывает, внешне кажется, разругались из-за пустяка. На самом деле причина была гораздо глубже, и каждый подошел к ней, накопив свой «багаж». Она думала: тот ли это человек, с которым хочет связать свою судьбу? То ли это, о чем мечтала в детстве? Это тот человек, от которого можно рожать детей? Таня задавала эти вопросы себе и ранее, и была готова к предложению руки и сердца. Однако всерьез начала думать сейчас, после этого шага. К этим мыслям, смущающим её тонкий женский мирок, добавились усталость на работе и недавняя простуда с температурой. Максим же, определив, что свадьба будет через три месяца, посчитал логичным мужским умом, сколько денег надо зарабатывать. Он начал работать в такси после своей работы на машине отца. Времени на свидания стало меньше, уменьшилось, как следствие, и внимание к ней. Все были против второй работы, но молодой человек проявил упрямство. В один из таких вечеров, когда оба были уставшими, произошел скандал. Не было сказано ни одного ругательства в адрес друг друга, но взаимное раздражение и неприятие вспыхнуло, как пламя. Таню это удивило, так как обычно она могла злиться и нервничать, высказывать, Макс же мычал и временами красиво улыбался. Теперь она увидела, каким может быть Максим. Они расстались тем вечером, так и не помирившись. Домой она пришла в слезах и проскочила в свою комнату. Её мама, видя необычное поведение своей дочки, выпытала из нее сбивчивый, прерывающийся всхлипываниями рассказ и жалела её. В это время пришла смс от Макса следующего содержания: «Зай, люблю тебя. Выходи за меня замуж». Она опять не стала его мучить, как ей обычно советовали подруги, и написала смс в ответ: «Я согласие не отменяла. Тоже люблю тебя». В этот момент её лицо просияло. Мама сидела рядом и улыбалась. На другом конце города с облегчением на душе засыпал Максим.

Но некое напряжение все равно сохранилось до свадьбы. Они виделись реже и продолжали временами ссориться. Они пережили это время. Подготовка к свадьбе далась им нелегко. К этому добавилось ухудшение здоровья папы Тани, который попал в больницу. К счастью, с ним все обошлось, но ко дню свадьбы ребята были выжаты морально и физически. Сама свадьба просто пролетела, и они остались наконец-то вдвоем. Максим никогда не был с женщиной, и поэтому все было не так, как ему хотелось бы, но это была именно их ночь, первая ночь в день свадьбы. В этом была своя прелесть, своя чистота, романтика. Для Тани все тоже было,

как в сказке. Её ничего не смущало. На следующий день, пробудившись от сна, она увидела в глазах Максима нечто другое, чего не было ранее. Это была любовь. С этого момента они стали родными друг другу близкими людьми – мужем и женой. А потом они поехали в отпуск в Египет, в четырехзвездочный отель. Эту поездку они запомнили на всю жизнь и всем молодоженам советовали ехать отдыхать. После свадьбы Максим прекратил работать в такси. Они зажили в его однокомнатной квартире и были очень счастливы.

Он обнял Таню, но она продолжала спать. В этот момент внешний вид и макияж её не заботили. Максим обнял её покрепче и жена ожила.

На улице за окном пели переливами птицы. Это звучало очень красиво. Солнца становилось все больше и больше. Потихоньку начинали шуметь машины, кто-то кричал на собаку, которая убежала от своего хозяина очень далеко в поле или нюхала мусор. Запиликал домофон из-за открывающейся двери у подъезда внизу.

– Танюш, надо вставать, – сказал Максим, вдыхая аромат её волос. – Надо поесть приготовить, чтобы вечером не заниматься едой, и ты хотела маме белье отнести постирать.

Недавно у них сломалась стиральная машина. Сегодня был выходной день, и мастер обещал прийти в понедельник, поэтому они договорились с тещей отнести ей вещи и постирать.

– Я отказываюсь сегодня вставать. Твоя моя нихт понимает, – пошутила Таня и уткнулась лицом в подушку.

– Я еще сегодня хотел Архипыча встретить.

– Так встретишь, нам же по пути. К маме пойдем, и увидишь его. Только позвони заранее, а то он, может, опять на задании.

– Может, мне тоже в полицию пойти работать? У меня будут наручники и пистолет, – улыбнулся он.

– Ха-ха-ха, – демонстративно ответила она, уткнувшись в подушку.

– Мне, если честно, тоже никуда не охота идти.

– Максим, детка, может, тогда еще поспим? – она повернулась к нему и уткнулась лицом в шею.

– Может, и к теще не пойдем, будем в грязной одежде ходить. Люди нас обходить будут.

– Максим, вот я-то смогу в нестираном походить. От меня не пахнет, как от тебя после футбола.

– Ой, все, – сказал Макс и закрыл глаза.

Они полежали еще минут пять. Сон окончательно исчез в летнем воздухе. Максим стал переползать через Таню, чтобы встать с кровати. Он специально придавил её своим немного полным телом, так что она закричала: «Задавишь, конь!»

После этого маленького акта насилия он поднялся с кровати и пошел на кухню. Там в раковине была гора грязной посуды. Обычно вечером в пятницу они ленились и не мыли ее. Утром всегда себя бодрее чувствуешь и сил больше. И мытье посуды не кажется таким подвигом, как вечером. Он почесал голову.

– Ты моя хозяйюшка.

– Макс, чего тебе не нравится. У меня выходной.

– Да, ладно, я помою.

Он включил воду и стал неспеша мыть посуду. Мысли были с его другом Ваней Архипычевым. Все его звали Архипыч. Он работал в полиции участковым. Архипыча Максим знал с детства. Они выросли в одном дворе, вместе ходили в одну школу, правда, в разные классы. Архипыч был высоким худым парнем. Он носил челку, похожую на ту, которая была у Адольфа Гитлера. Однако на этом сходство со злым тираном заканчивалось. У Вани было бледное вытянутое лицо с широкими скулами и узенькими серо-зелеными глазками. Архипыч был хорошим парнем, добрым и простым. С ним можно было поговорить на любую тему, и он всегда мог сказать что-то интересное. По долгу службы участковый общался с разными социальными

слоями населения и со всеми находил общий язык. Он был общительным и иногда не мог остановиться, залезая в какие-то словесные дебри. Из-за своей открытости, некой простоты он казался иногда глуповатым, но на самом деле, он был умным, хитрым человеком. После школы жизнь развела ребят по разным дорогам. Иван пошел на юридический факультет Демидовского, куда еле-еле прошел. Макс пошел в политехнический институт на факультет машиностроения. После ВУЗа у каждого были армия и работа. Но даже несмотря на переезд Архипыча из родного двора и появления новых друзей у обоих с мест учебы и работы, ребята продолжали видеться. Временами, то чаще, то реже, но продолжали встречаться, шутить друг над другом и обсуждать последние новости.

Еще до переезда Архипыча в их дворе случился небольшой инцидент. В доме жил полукриминальный, часто выпивающий мужчина по фамилии Мирзотин. За свои два года проживания он успел три раза подраться с соседями по подъезду и не один раз разругаться. Возможно, причина была в том, что ему нужна была постоянная эмоциональная встряска или что он часто пил. У жильцов дома не было желания вдаваться в его душевные переживания и причины такого асоциального поведения. Поэтому когда Мирзотин обругал двоюродную сестру Макса и толкнул её на лестнице, у его дверей собрался весь подъезд. Вызвали наряд полиции. Забрали Макса, его сестру и Мирзотина. Последнему было весело, он улыбался и наслаждался очередным скандалом. С Мирзотиным провели беседу и отпустили.

Спустя пару дней в сопровождении двух здоровых коренастых парней он пришел к двери Максима Панова и объяснил ему, что его семья должна сто тысяч рублей. С каждым днем к долгу добавляются проценты. Мама Максима очень испугалась, она слышала разговор, проходивший на лестничной площадке. Для придания большей значимости своей позиции Мирзотин и его приятели оставили Максиму пару синяков в области глаз. Когда Архипыч увидел друга в таком виде, то сказал: «Привет, панда». Оба оскалились, но в глубине души каждому было не смешно, а тревожно. На следующий день к пьяному Мирзотину постучался наряд полиции. Более полугода его никто не видел. Затем внезапно однажды он появился, быстро собрал свои вещи и также быстро исчез навсегда. По нему никто не скучал. Весь двор знал, кто избавил их от такого опасного надоедливового соседа. За этим устранением стоял Архипыч, который и виду не показал, что причастен к этому. На вопрос Максима о том, что стало с Мирзотиным, Ваня ответил, что тот переехал в другой город поближе к родственникам.

Макс глубоко вздохнул и улыбнулся. С Архипычем было связано очень много добрых воспоминаний с самого детства. Один раз они украли пачку сигарет у отца Ивана и пытались их курить возле гаражей в том месте, где люди обычно не ходили. Как на зло отец Макса вернулся с работы очень рано и пошел с соседом в гараж, который был как раз рядом с тем местом, где стояли юные курильщики. Летним днем мальчики грелись в лучах солнца, опираясь на стену гаражей, перебирая, как взрослые, сигареты во рту, когда из-за угла метрах в пятнадцати появился знакомый силуэт отца, который по всем расчетам не должен был здесь появляться, Макс окаменел, а дымящаяся сигарета повисла на сухих тонких губах. Архипыч зажмурился, как будто его сейчас будут убивать. Это верно, что если бы они были кошками, то шерсть стояла бы дыбом. Отец Макса подошел к ним, поздоровался и сказал, что если еще раз это увидит, то оторвет им головы. Мальчики поверили ему и больше сигареты в руки не брали. Кроме неудавшегося курения табака существовало много других дел, таких как, воровство малины у знакомой им бабушки на огороженном участке недалеко от их дома, издевательства над сторожем на стройке за один квартал от двора, поедание сгущенки и других сладостей возле забора детского сада и многое другое.

Еще один и смешной и трагичный случай произошел, когда Макс пришел в гости к Архипычу, и они стали варить сгущенку. Их отвлек Миха Дымовец, который забежал к ним показать, какая у него немецкая зажигалка. Такие были у фашистов в войну. Мальчики долго спорили, такая или не такая зажигалка, а потом Дымовец сказал, что у него во дворе есть тайник,

где он хранит пулю от винтовки. Мальчики решили, что сбегают на несколько минут и вернуться, а сгущенка будет вариться дальше. Через три часа в соседний двор за Архипычем пришел его папа. И тут Макс понял, почему его друг, когда ему было страшно, странно морщился. Отец с уставшим видом подошел к Архипычу и хлопнул его рукой по макушке. Макс, который стоял рядом во время воспитательного момента, показалось, что звук был немного звонкий, будто у Архипыча в голове пусто. Позже Иван рассказал, что банка сгущенки взорвалась. Взрыв был такой силы, что черно-коричневая масса долетела до потолка.

Были и еще другие истории, например, как Иван упал зимой на льду, а Макс смеялся над ним, и сам поскользнулся.

– Любимый, долго посуду будешь мыть, есть кто мне будет готовить? – Таня сидела на стуле в футболке и шортах и вяло жевала лист салата.

– Я смотрю, кто-то всякий страх потерял. Хочешь, чтобы я еще и приготовил тебе еду. Я уже посуду мою с утра в выходной день.

– Малыш, ты меня волнуешь.

– Это ты к чему? – улыбнулся Макс, продолжая стоять спиной к жене и мыть посуду.

– Это я к тому, что я сейчас с голоду умру в чистоте великой, Максим. Чистюля ты мой ненаглядный.

Он знал, что Таня хочет, чтобы он перестал мыть посуду и сел с ней завтракать, но решил немножко ее помучить.

– Я сейчас, уже домываю.

– Все, я с тобой не дружу. Надо тебе на посуде было жениться.

Таня встала с табуретки, специально легко задев плечом мужа, прошла к холодильнику и открыла дверцу.

– Таааак, что у нас тут?

Волосы Тани небрежно спадали ей на плечи и спину. После свадьбы она несколько раз хотела подстричь их, но Максим не давал это сделать. Теперь они отрасли довольно сильно, так что доставали до середины спины.

Девушка продолжала держать дверь открытой. Она знала, что муж не любит, когда холодильник открыт в течение нескольких секунд. Макс улыбнулся. Между ними часто проскакивали шутки, которые были понятны только им. В этом их семейном юморе было и желание аккуратно высмеять друг друга, и довести что-то обычное до крайности. И была даже какая-то смешная вредность. Сложно объяснить эту грань, но они это чувствовали. Вообще, в каждой семье, где есть любовь, обязательно есть юмор в том или ином виде, потому что в любви есть радость. Юмор – это способ выражения радости, а радоваться легко там, где тебя любят и принимают.

– Ой, Максим, тебе чаю налить? – дверца холодильника захлопнулась.

Она улыбалась от шутки с дверцей и радовалась тому, что сегодня они целый день будут вместе. Таня включила ноутбук, стоящий на столе, зашла на свою страничку социальной сети и на кухне заиграла музыка.

– Танюш, сделай тише, – сказал Макс и выключил воду.

Они налили чай, порезали хлеб и стали делать бутерброды с маслом.

– Не густо? – спросил Макс.

– Нормалек, – улыбнулась Таня и откусила очередной кусок вкусной булки.

Они сидели вдвоем на своей кухне, завтракали и были самыми счастливыми людьми на свете. Надо было обсудить планы на день или поговорить о чем-то глубоком, серьезном, как это периодически бывало, но никто не хотел нарушать эту семейную утреннюю романтику.

Таня хотела переключить песню и попала на другую вкладку браузера.

– Ты снова читаешь про жемчуг. Ты меня своими постоянными мыслями и поисками информации об этой жемчужине пугаешь, – она сдвинула брови и нахмурилась.

– У меня не постоянные поиски. Я просто хочу знать, что значит эта фраза. Я чувствую, что это важно.

– Даа, это космический разум тебе сказал, ууууу, – сказала девушка и слегка согнула пальцы на поднятых руках. – А, может быть, ты избранный, – продолжала она.

– Я не избранный, и не космический разум это был. Я знаю одно – это важно. А вот информация о жемчужине должна мне помочь понять то, что я услышал.

– Ну, и что ты нашел, какую информацию?

– Таня, ты меня уже спрашивала ранее. Я тебе уже рассказывал, – он немного расстроился из-за того, что любимая жена слегка высмеяла его.

Обычно они друг друга называли «заями». Если разговор переходил в плоскость выяснения отношений, или происходило что-то, что требовало усилий, концентрации внимания, сил, то они обращались друг к другу по именам. Упоминание её имени просигнализировало Тане, что муж огорчился. Ей не хотелось омрачать утро субботы.

– Любовь моя, ну, что, даже и пошутить нельзя, – она улыбнулась ему, немного наморщив нос. – Надо же мне с кем-то повредничать.

Этим она его обезоружила, и огорчение прошло. На его сердце снова стало ярко и тепло.

– В википедии написано, да и вообще в интернете, в разных источниках, что жемчужина – это результат взаимодействия ракушки с инородным телом. Например, песчинка попала внутрь. Она начинает раздражать нежное тело ракушки изнутри, и та обволакивает её защитными слоями, содержащими перламутр. Вот так через боль, дискомфорт и страдания на свет появляется жемчужина. Она может находиться внутри ракушки очень долго, пока её не вскрыет какой-нибудь охотник за сокровищами. Так песчинка становится драгоценностью.

– Ты мой охотник, – сказала Таня и сложила губы для воздушного поцелуя.

Максим улыбнулся и продолжил:

– Я понимаю, что такое жемчуг. Понимаю, как он появляется, понимаю, что он драгоценность. Но мне это никак не помогает решить мою загадку века. Я будто что-то упускаю, что-то теряю или не нашел. Это как у задачи: ты не знаешь решения, но знаешь, что оно есть, ясное конкретное, понятное. Так вот, у меня задача – для чего эта жемчужина? Как ее найти?

– Максим, мне кажется, ты загоняешь себя этими мыслями. У тебя уже синяк почти прошел и отек спал, а ты все вспоминаешь про это падение.

Максим отрезал еще один кусочек хлеба и стал намазывать масло.

Таня улыбнулась и сказала:

– Ууу, ты мой животик. Давай, налегай.

Он засмеялся, так как они вместе иногда старались похудеть, но все заканчивалось провалом. Потерпев день, два, максимум – неделю, они снова начинали есть сладкое. Периодически они шутили друг над другом, когда кто-то налегал на сладкую или калорийную еду.

– Все-таки не отпускает она меня, эта жемчужина. И речь здесь не о жемчужине, а о чем-то другом.

Максим нахмурился и посмотрел на жену. Она видела, что его взгляд очень серьезен. У мужчин в жизни бывают два серьезных взгляда. Первый тип – мужчина о чем-то думает и смотрит на вас, излагает вам свои мысли или просто ждет, что вы скажете, или думает, что сказать. Второй тип взгляда – он думает настолько глубоко в себе, что вы просто не существуете для него сейчас рядом, или, вроде бы, существуете, но вроде и нет. Сейчас Таня оценила его первый вариант взгляда и даже немножко пожалела его, так как увидела в глубине его души некое мучение от поиска ответа.

– Любимый, – сказала она, стараясь говорить аккуратно, ведь он делился тем, что его беспокоило, – если эта жемчужина так для тебя важна, то конечно обязательно ищи ответ, и ты найдешь, я уверена. Пожалуйста, только не забывай про меня. Ок?

– Да, я и не забываю про тебя.

Максиму была приятна ее искренность и понимание, что это важно. Он не хотел, чтобы она волновалась за него. Он протянул руку и своими пальцами сжал её пальцы.

– Танюффф, спасибо тебе за поддержку.

Она улыбнулась. Утро продолжалось. Любовь парила в воздухе над их столом.

– Прости меня, раз уж мы снова заговорили. Я хочу начистоту. Есть просто информация, а есть впечатление от неё, знание чего-то. Например, тебе приснилось солнышко. Солнышко как солнышко. Вроде, это хорошо, но вот в твоём сне, когда ты видела солнышко, у тебя было ощущение жары, испытания, связанного с палящим излучением. Получается, что видела одно, а информация в целом о каком-то грядущем испытании.

– Я, примерно, понимаю тебя. Может, не совсем удачный пример, – сказала она, перестав улыбаться. Ей хотелось и выслушать, и понять, и успокоиться, что с ним все хорошо.

– Так вот, у меня есть ощущение, что эта жемчужина связана с богом. Не могу понять как, но связана.

– Я не знаю, Макс, тебе видней. Это ведь твое видение, не мое.

– Это не видение, я ничего не видел, просто яркий свет и ощущение своего несовершенства, слабости, а главное – того, что что-то важное в жизни упущено.

Теперь он был где-то далеко в своих мыслях. Это было видно по его взгляду.

– Зай, – она взяла его за руку, – ну, если это так важно, то почему бы тебе не поговорить с твоим родственником отцом Георгием. Он же священник. Он тебе все объяснит, ну, поможет хотя бы. Он ведь хороший человек.

– Да, я тоже об этом думал, – он улыбнулся. – Спасибо тебе.

– Я не знаю, с чем это связано, твое видение и эта жемчужина. Меня это немножко пугает, но я знаю, ты адекватный и хороший человек. Ты решишь этот вопрос.

– Уууу, как же мне с тобой повезло, – сказал он и немного зевнул.

– Уууу, кто-то хочет спать, – сказала Таня, – не выспался, дружок? Хочешь, мы назовем нашу будущую дочь Жемчужиной? – посмеялась над ним она.

– Это очень, очень смешно, Сосиска.

– Сам такой.

– Макс, ты знаешь, как была открыта таблица Менделеева?

– Я знаю, в общем, она ему просто приснилась.

– Приснилась, Зай, понимаешь, сам принцип устройства таблицы приснился. Ты представляешь, какое это открытие? Просто мужику во сне она приснилась.

Она расширила свои глаза и взмахнула руками.

– Ты представляешь, возможно, ты какое-то открытие сделаешь?

– Жена, мне кажется, ты тоже головой где-то стукнулась.

– Ооо, это такая смешная шутка, я просто не могу, Макс. Сейчас буду смеяться, и никто не сможет меня остановить.

Он заулыбался ей в ответ. Состязаться с ней в шутках ему было сложно.

– Так что с бельем? Мы его забираем и несем теще или так, в грязном, ходим?

– Ха-ха-ха, Максим, еще одна очередная шутка. Побереги мой животик.

– Давай посерьезнее, – улыбнулся он.

– Конечно, отнесем, – сказала она внезапно, и они засмеялись с новой силой.

– Ну, тогда, давай собираться, – сказал он и хлопнул руками по своим коленям.

Чай был уже весь выпит. Оба наелись хлеба с маслом. На столе зазвонил телефон Максима. Таня взяла его и передала мужу.

– Привет, Архипыч.

– Привет, Максон. Че делаете?

– Да вот завтракали. Ты дежуришь сегодня?

– Нет, я не дежурю. Танич говорила вчера, когда я ее на улице видел, что вы к ее маме сегодня пойдете.

– Да, все верно. Так что, пересечемся?

– Да, Макс, не вопрос. Буду только рад.

– Архипыч, вот до чего ты хороший человек. Поговорил с тобой минуту, и уже на душе теплее.

– Взаимно, – ухмыльнулся Архипыч в трубке.

– Ну так что? Мы будем у тебя во дворе через полчаса.

– Через час, – шепнула Таня. – Мне надо голову помыть.

– Ок, Иваныч, через час.

– Океюшки, – и оба положили трубки.

Через час, как и договорились, ребята с пакетами белья были у дома, в котором жил Архипыч. Иван медленно выплыл из темноты открытого подъезда. Его худая высокая, немного ссутулившаяся фигура была одета в рубашку с большой красно-синей клеткой, шорты, висевшие на нем и похожие на бриджи с большим количеством кармашков, сандалии с липучками надеты на босые ноги. Архипычев, походкой, немного напоминающей движения жирафа, приблизился к Пановым и протянул худую руку с длинными, как у инопланетянина, пальцами.

– Здорово, женатики, – улыбнулся он.

– Здорово, мужик, – ответил Макс и пожал руку. Таня доброжелательно улыбнулась. Она любила Ваню Архипычева, и поэтому друг мужа стал другом их семьи.

– Иди сюда, оглобля, – она его обняла. Она это делала редко, но Архипычу было очень приятно.

– Че так не ласково?

– Как есть, Архипыч, – снова улыбнулась она.

– Ну чего, всех преступников поймал? – спросил Макс.

– Всех не переловишь. Недавно жулик один на моем районе пытался телевизор украсть, так за ним наряд бежал, а он от них. Его, конечно, поймали, но не сразу. Дался ему этот телевизор, до последнего надеялся, что с ним убежит.

– Как же он так не сообразил? Бросил бы и побежал быстрее.

– Максим, фортуна – дело такое. Значит, надеялся на что-то, или, может, ждал его кто на машине где-нибудь рядом. Бывает, что человека в розыске пасут-пасут, а поймать все не могут, при том, что он напротив РОВД поселился и пережидает время. Бывает другой вариант, когда человек на край света убежал, проходил мимо поста, его случайно остановили и в итоге поймали. А вообще, у него судьба тяжелая, я его знаю немного.

– И сколько же ему дадут?

– Максим, он рецидивист, и кража эта из квартиры, поэтому могут несколько лет дать. Его видели, окрикнули.

– Ого, Архипыч, вот это система правосудия. Несколько лет.

Брови Максима приподнялись от удивления, а губы вытянулись в трубочку.

– А что, ребята, я считаю, это правильно. Пусть сидит, – вступила в разговор Таня.

– Так-то вроде так, Таня, но это живые люди. Некоторых не жалко, а некоторых жалко.

– Ну, пойдем, чего стоять, философы, – сказал Макс и взял Таню за руку. – Пойдем, Зай, твоя мама ждет нас. Архипыч, пойдем, нам по пути.

– Я знаю. Иду-иду.

Они вышли из двора, и пошли по пыльной дороге через поле к тротуару. По бокам дороги росли старые высокие тополя. В их ветвях мелькали маленькие птички и чирикали на непонятном человеческому уху языке. Возможно, на одном из деревьев тоже проходила встреча друзей. На улице было душно и жарко. Можно было предположить с большой долей вероят-

ности, что в ближайшие часы будет дождь, летний, большой, сильный, который смоем эту жару и духоту, принесет свежесть и прохладу.

– Вот тебе, Ваня, жалко этого жулика, как ты говоришь, а мне жалко бабушку или семью, которую он пытался обворовать, – продолжила разговор Таня. – Представь, кто-то деньги копил, откладывал, купил этот телевизор, и тут, на тебе! – И Таня хлопнула ладошкой о ладошку. – Нет, мне не жалко.

– Так тоже нельзя. Ситуации в жизни разные бывают. Может, ему деньги нужны на дорогостоящую операцию, – заступился Максим.

– Операцию-не операцию, а за преступление каждый должен отвечать. На суде разберутся.

– Ооо, я бы не хотел попасть к тебе с рассмотрением своего дела, если бы ты судьей была.

Архипыч шел рядом и немного шурился от солнышка. У него был вид не опытного участкового, а чудаковатого простака. Он медленно передвигал свои длинные ноги, поднимая клубы пыли и шаркая сандалиями.

– Эй, ты смотри, сколько напылил, – вскрикнула Таня. – Архипыч, аккуратнее.

– Смотри, какая неженка, – ответил Иван и стал поднимать ноги повыше.

– Но надо смотреть, какая у человека судьба, какое у него было детство, окружение, – продолжил Архипыч свои рассуждения. – Бывают люди, которых совсем не жалко. Бывает люди, которых жалко. Но если всех жалеть, то работать не сможешь.

Когда он говорил эти слова, его лицо нахмурилось, выражение глаз стало серьезным. Складывалось такое ощущение, будто Архипыч мысленно сидит за своим столом со стопкой дел у себя в отделении и вспоминает людей-преступников, с которыми он сталкивался по работе. Для Тани и Максима это были всего лишь преступники, заключённые. Страшный, странный и непонятный мир, но для Архипыча это были люди, на которых висит определенный ярлык, клеймо от общества. По большей части это были вполне адекватные, нормальные люди. Но одни не смогли трудиться, не смогли приспособиться к жизни, другие имели сложное детство. Были люди, севшие в тюрьму по глупости.

– Да, ты, я смотрю, философ, Архипыч, – усмехнулась Таня.

– Философ-не философ, а такая жизнь.

– Ну, погоди, Архипыч, – возразил Максим. – Получается: ты оправдываешь людей, осознанно совершивших какое-либо преступление. Например, кражу телевизора?

– Да. Я их оправдываю. Я их понимаю. Не всех, но некоторых из них. Вот о чём я говорю. К примеру, жил мальчик с родителями. Отец пил, мать пила. Отец его бил. Они не заботились о его воспитании и не научили трудиться, не научили его учиться, не научили его что-то потерпеть, что-то преодолеть в жизни. Возможно, они также не научили его выстраивать нормальные здоровые человеческие отношения. И вот он израненный, обиженный не находит себе места в обществе, не может приспособиться в нем. Ну, не получается у него хорошо учиться, работать. Не научили, не привили, не воспитали. Этот разрыв между ним и нормальным обществом растёт. В какой-то момент мальчик понимает, что улица даёт ему больше, чем родители. На улице совсем другой язык, совсем другое понимание жизни, но здесь у него все получается. Если ему не хватает денег, еды, то он добывает эти средства незаконно, силой. Связывается с плохой компанией и обрастает нехорошими связями, вредными привычками. Здесь появляется свое понимание жизни, так как у него своя правда. Это все как снежный ком. Он всё больше и больше становится неспособным к обычной жизни.

– Если так всех жалеть, тогда и наказывать за преступление будет некого, – ответила Таня. Максим пожал плечами.

– Воруйте на здоровье, совершайте другие преступления, – продолжила Таня.

– Архипыч, почему же они не идут на работу? – спросил Максим. – Устройся на работу, и всё остальное за этим в гору потянется.

– Ты прав Максим. Это важно и нужно – устроиться на работу. Но здесь возникает вопрос, как устроиться на работу, когда у тебя есть судимость. Какая это будет работа? Скорее всего это будет тяжёлый физический труд. Если ты устраиваешься на такую работу вообще, как и на любую другую, тебе нужно проявить терпение, трудолюбие и упорство, а этими качествами обладает немногие из бывших заключенных. Но, конечно, это правда, не спорю, что можно вырваться из того социума, который затаскивает тебя в новые преступные действия. Но это надо менять всю жизнь и мышление человека, а это непросто.

– Хорошо, Архипыч, а как быть с теми, кто еще не сел и совершают преступления? – спросила Таня.

– С теми, кто не сел и совершает преступления, такая же ситуация. Они особенно сильно не отличаются от людей, которые уже сидели. Но эти люди свято верят, что они никогда не попадут в тюрьму. В этом вся разница.

– Получается, что у этих людей тоже нет выхода?

– Выход есть всегда. Я говорил, что он для них сложен, но он есть. Кто хочет, тот выбирается из мира жуликов.

– Немного неприятный у нас разговор, – сказала Таня.

– Ничего страшного, это жизнь, – ответил Архипыч.

– Да, я тоже согласен, неприятно, – поддержал Максим. – Давайте сменим тему. Кстати, Архипыч, я давно хотел у тебя спросить: как дела у нашего общего знакомого Вадика Белова?

– А что, у Вадика? У Вадяна всё хорошо. Недавно женился. Они с супругой на День рождения купили ему подержанную гитару. Но гитара в хорошем состоянии. Однако она уже несколько месяцев пылится у Вадика за шкафом. Он так и не прикоснулся к ней.

Максим засмеялся.

– Узнаю Вадика. Он всегда был таким «жуком». Что-нибудь себе заберёт, и это лежит. Сам не пользуется и другим людям не дает.

Архипыч тоже заулыбался.

– Да, Вадя – он такой.

– Архипыч, можно вопрос? – прервала их Таня. – Ваня, прости меня пожалуйста, я про Светика хотела спросить. Вы с ней общаетесь? – и Таня хитро сощурила глаза.

Отношения с девушками для Архипыча были болезненным вопросом, поэтому он нахмурился и немножко покраснел. Он одновременно испытывал страх за будущее возможное свидание, а также ему было в душе больно от того, что у него не получается встречаться с девушками, и ребята знают о его борьбе.

– Ну, мы какое-то время не общались, а недавно она мне написала, и мы снова стали общаться. Это одна из причин, почему я сегодня решил с вами с утра встретиться. Я пригласил ее в кино. Она предварительно согласилась сходить в этот вечер. Только она попросила, чтобы мы шли не вдвоём, а с нами был кто-то еще. Поэтому я вас тоже приглашаю в кино. Светик хотела взять свою подружку, но та не смогла.

– Уууу, – загудели Таня и Максим одновременно.

– Архипыч, да это прорыв. Мы за тебя очень рады.

Ваня Архипычев разыскивал что-то глазами на земле. Краснота залила щеки доблестного борца с преступностью.

– А какой фильм планируется к просмотру?

– Я хотел сходить на «ужастик», но, я думаю, что это не совсем то, что сейчас подходит под нашу ситуацию. Поэтому там ещё будет романтическая комедия. Я думаю, как раз в тему.

– Да, Архипыч, мы бы тоже сходили с тобой ... с вами ... с удовольствием на романтическую комедию.

– Ну, тогда, ребят, я не буду вас больше задерживать. Я решил сначала с вами договориться, а уже потом со Светкой точно решать. Если мы с ней договоримся, то я вам напишу смс-ку.

– Хорошо, Архипыч. Ты тогда сразу и билеты покупай, а мы потом с тобой рассчитаемся, как обычно. Хорошо?

Ребята попрощались. Пановы продолжили путь прямо, а Архипычев свернул во двор направо.

Через пять минут пошел летний освежающий дождь.

Глава 4

Сомов проснулся рано утром в абсолютной тишине. Не было слышно ни голоса, ни звука. На улице ещё было темно. Первые лучики только начинали появляться от восходящего солнца. Они не могли пробиться сквозь плотно зашторенные окна. В абсолютной тишине можно было слышать жужжание одинокой мухи в окне. Сомов лежал неподвижно. Он почесал грудь и глубоко вздохнул.

Его хозяин дал ему задание убить молодого парня, священника и его сестру. Это было одно из многочисленных заданий, которые он получал и раньше от дьявола. Он не придавал этим заданиям особого смысла, потому что его сердце было как камень, наполнено злобой по отношению к людям. Он был одинок, никого и ничего не любил, без сожалений выполнял все задания для своего хозяина. Его лишь интересовали те выгоды, которые Сомов получал от того, что выполнял волю зла. Это могло быть здоровье, какая-то власть в духовном мире, материальные блага.

По какой-то причине дьявол торопил его выполнить это страшное задание. В течение первых двух недель после своего освобождения Сомов занимался именно поисками парня и священника. У него получилось это сделать, но не сразу. После того, как колдун обнаружил место проживания обоих, он приступил к выполнению своего задания. Но в духовном мире над этими людьми он не имел власти. Несколько раз он пытался причинить им зло через колдовство, но у него ничего не получалось. Сегодня утром он решил последний раз напасть на Максима через невидимый человеческому глазу мир.

Сомов лежал на кровати неподвижно с закрытыми глазами в полной темноте и что-то еле заметно бормотал. Он вышел из своего тела, на пару секунд завис в воздухе над собой. Всё было привычно вокруг, как обычно. Он с интересом наблюдал себя со стороны. Вот лежит его тело на кровати, а над ним в воздухе парит его настоящая личность.

Понаблюдав за собою и оглядев свою комнату, он вышел на улицу через окно и мысленно построил маршрут от своего дома до дома Максима Панова. Колдун стал двигаться по этому маршруту. Он парил в воздухе примерно на расстоянии десяти метров над землёй. Сначала он двигался по прямой вдоль проспекта Ленина, затем повернул на перекрестке направо и двигался ещё два квартала. Потом повернул направо и на следующем перекрестке налево. Еще пару улиц – и он на месте. Когда Сомов был вне тела, у него легче получалось передвигаться по городу, двигаясь по улицам.

Сейчас колдун завис перед домом, в котором жили Пановы. Он знал окна их квартиры. Сомов уже был здесь не только в духовном, но и в физическом мире. Охота на парня длилась уже несколько дней, но пока безуспешно. Это была последняя попытка напасть на парня из духовного мира.

В каждом доме должен быть сильный. Если вы пришли в этот дом и хотите навредить ему и его жильцам, то должны обезоружить сильного. Если тот обезоружен, то вы можете устанавливать свои порядки в этом доме. Если вы не можете связать сильного, то вам придется уйти.

В доме Пановых была сильная личность. Они об этом даже не догадывались, но колдун Сомов убедился в этом в очередной раз, когда с улицы пересек кирпичную стену дома и оказался в комнате ребят. Таня и Макс крепко спали. Они даже не подозревали, что их покой охранял красивый высокий ангел в ослепительно белых длинных одеждах. У него были длинные светлые волосы, ясные пронзительные чистые глаза. Ангел стоял в состоянии абсолютного мира, совершенного покоя. Он имел великую божественную красоту и святость. В одной руке он держал высокий длинный огненный меч. Огонь постоянно двигался, но не исчезал и не рассеивался. В другой руке ангел держал свиток. В этом скрепленном печатью свитке у него было особое указание от бога относительно жизни Тани и Максима. Ангел должен был в точности

исполнить то слово, которое было записано. Место, где он стоял в комнате, под его ногами было похоже на раскаленную лаву или расплавленный металл. Вся фигура его излучала яркий ослепительный белый свет по интенсивности, как у солнца. От ангела исходила сила, как будто одновременно в этом месте ударили тысячи молний. Вокруг его фигуры было синее нежное сияние.

Когда Сомов в одежде, похожей на грязные черные лохмотья, появился в комнате, ангел даже не шевельнулся. Но колдун чувствовал всем своим духом, что глаза ангела были устремлены прямо на него. Сомов осознал власть этого духовного существа. Он ощутил усиливающееся жжение на его шее и голове. Колдун знал, что если он останется здесь хотя бы еще на долю секунды, огненный меч будет применён против него, и поторопился покинуть комнату тем же путем, каким в ней появился.

Он был в ярости, что ничего не мог сделать, и поэтому отправился по улицам назад. Колдун ещё чувствовал жжение на шее и голове, когда долетел до своего дома и вошёл к себе в комнату. Его тело по-прежнему неподвижно лежало на кровати. Сомов также легко вошел в тело, как и несколько минут назад вышел из него. Он открыл глаза. В комнате уже ощущалось присутствие дьявола.

Иван Сомов чувствовал, что его хозяин был разгневан, что он так и не смог выполнить его задание. Колдун уже понял, что это будет одно из самых тяжелых заданий в его жизни. Когда он имел дело с обычными людьми, он наслаждался той духовной властью, которую имел над ними. В данном случае он имел дело с людьми, имеющими отношения к божьему свету. Здесь его власть в духовном мире была бесполезной. Он несколько раз задавал вопрос себе и один раз своему хозяину, почему Сомов не имеет власти над этой редкой категорией людей. Этот вопрос вызвал ярость у дьявола. Тогда тот ответил, что вся власть принадлежит только ему, и что он является богом мира людей. Однако колдун догадывался, что это не вся правда. Он боялся своего хозяина, но, с другой стороны, видел, что иногда дьявольская власть не имела никакого значения по сравнению с той властью, которую он видел у людей верующих. Он также видел, под какой могущественной защитой они находились. Зачастую эти люди даже и не догадывались о том, что происходит вокруг них в духовном мире.

– Хозяин, я несколько раз приходил к этому парню, но не мог причинить ему зла, потому что страж душ был с ними, – проговорил Сомов в своих мыслях. Так он называл ангела.

Ему последовал ответ тоже в мыслях:

– Если бы ты обладал той властью, что имею я, то давно бы выполнил это задание. Как ты ничтожен по сравнению со мной! Но я милостив к тебе, потому что я твой хозяин. Я должен быть хозяином всех людей. Я хочу дать вам свободу и истинный свет. Ты несешь мой свет. У тебя есть мой подарок из страны теней и из страны танцующих вокруг огней. Используй его. Этим ты прославишь меня и доставишь удовольствие. Когда ты выполнишь мое задание? Торопись.

Дьявол говорил ему о длинном ноже, который был у Сомова. Тот получил его в подарок от одного шамана из африканской страны.

В молодости Иван Сомов работал моряком на коммерческих судах. Когда его корабль в очередной раз двигался вдоль африканского побережья, капитан судна принял решение причалить там, где они обычно не останавливались. У начальства были дела в порту. Тогда Сомов и заболел очень серьезной местной лихорадкой. Экипаж корабля был вынужден оставить его. Вся ситуация тогда вокруг него сложилась таким образом, что ему не оказали серьезной медицинской помощи и не могли взять с собой. Возникли осложнения. Сомов был вынужден остаться в организации, входящей в международный Красный Крест. Спустя два-три месяца, он пошел на поправку, но отказался ехать на родину. Вскоре его потеряли из виду. Человек просто исчез. В реальности он остался у шаманов той местности. У Сомова с ними были общие интересы. К этому времени он уже интересовался духовным злом. Те два года жизни в Африке

погрузили его на такой уровень колдовства и оккультизма, о котором он даже не мог и предположить, что такое существует в реальности.

– Я возьму ваш нож и убью их, – мысленно сказал Иван.

– Тогда чего ты ждешь? Убей их. Убей. Они не поклонятся мне, как ты. Я хочу, чтобы ты убил их. Я хочу, чтобы ты пролил их кровь. Они не такие, как ты. Мне нужно поклоняться. Они не поклоняются мне, они не поклонятся мне. Убей их, или ты забыл милость, которую я оказал тебе?

Сомов почувствовал такой огненный удушающий жар, который обжигал его душу, ощутил сумасшедшее удушье. Его дыхание постепенно прекращалось, и он начал задыхаться в присутствии своего разъяренного хозяина. Он боялся дьявола и служил ему из страха. Внезапно он остался в комнате один. Боль своими тисками сжимала его голову, крупные капли пота проступили на лбу. Сомов положил ладони на лицо и тяжело дышал. Постепенно головная боль стала утихать, дыхание нормализовалось, Сомов открыл глаза.

Наступило утро, поэтому в комнате стало светло. Было видно толстый слой пыли, покрывавший трельяж, тумбу с телевизором, стол. Можно было подумать, откуда здесь столько пыли? Да, он не убирался здесь, но до него здесь тоже жили. К чему эта пыль? Его жизнь чем-то похожа на пыль. Он просто есть, как и пыль. Получил ли он то, к чему стремился? Можно ли это назвать жизнью? Иван сел на кровати. Сейчас ему очень хотелось есть, и его мучила жажда. Но больше всего волновала голова.

Он уже давно страдал от головных болей и ждал в глубине души, что его хозяин освободит его от этих мук, когда очередное важное задание будет выполнено. Отношения с дьяволом иногда были похожи на торги. Иван надеялся также на определенное продвижение в царстве своего хозяина. Он хотел больше власти, чем у него было сейчас. Еще Сомов хотел вернуться на какое-то время в Африку, но пока дьявол не пускал его.

Сомов подошел к холодильнику, открыл его и достал оттуда пакет молока. Жадно выпив его, он бросил пустую упаковку в ведро. Затем достал два яйца, разбил их в чистый стакан и выпил содержимое. Он принял ванну, вытер себя белым чистым махровым полотенцем, которое, к счастью, нашел в квартире, и стал одеваться. Когда Иван был в черных брюках, черной куртке, он подошел к трельяжу и из верхнего ящика достал сверток из белой хлопковой ткани. Положив его на стол, он развернул его. Это был вытянутый изогнутый кинжал в ножнах. Поверхность ножен полностью с обеих сторон покрывало рельефное изображение сплетающихся между собой отвратительных змей и червей. Сомов с удовольствием разглядывал кинжал, держа его на ладонях. Затем он извлек его из ножен. Изогнутое лезвие с острым концом длиной примерно тридцать сантиметров было из грубо обработанного металла с десятком больших зубцов размером с полсантиметра. В этом ноже была сила. Он чувствовал ее, когда сжимал рукоять. Уже знакомый ему дух воителя и вершителя судеб будто вселялся в него. В этот момент Сомов осознавал себя воином, неуязвимым и бесстрашным. Он чувствовал, что становится способен на многое, сжимая в руках кинжал. Он слышал, как кинжал хотел крови. Ну, теперь разве он пыль? Разве его жизнь не имеет здесь власти? Какая-то бессмысленная злоба к этому парню и священнику наполняла его сейчас. Он заряжался. Ему, как и его хозяину, не будет ни начала, ни конца. Может он станет, как дьявол? Сомов улыбнулся.

В дверь постучали. Сомов прошёл в прихожую и спросил: «Кто?» В ответ тишина. Сомов повторил вопрос раздраженно еще раз: «Ну, кто там?» Снаружи что-то промычали. Сомов со скрипом открыл дверь и перед ним предстал человек в выцветшем черном рабочем комбинезоне и такой же куртке. В одной руке, испачканной черной смазкой, был ящик сантехническими инструментами, другая держала дверную ручку. На голове с длинными рыжими немного выюющимися волосами кепка, которая была посажена на затылок. Из-под густых серо-рыжих бровей смотрели приветливые серо-зеленые глаза. На щеках и подбородке рыжая трехдневная

щетина. Большой старый шрам переходил с носа на левую щеку. Слесарь Иван Иванович Мирзунков уставился на Сомова.

– Ну, кто-кто, хозяин? Дед Пихто. Вызывал?

Сомову не хотелось с ним ругаться, поэтому он постарался быть вежливым.

Колдун задал вопрос :

– Что вам надо?

В ответ Иван Иванович сообщил:.

– Так Валентина Захаровна Триногова звонила, сказала, что в вашей квартире по стояку с горячей водой проблемы. Ну, вызвала, я и пришёл.

– У меня нет проблемы с горячей водой, – сообщил колдун. – У меня течёт и горячая, и холодная вода.

– Так я это, наверное, ошибся. Мне нужно 313 квартиру, а у вас номер 213. Ошибся я, хозяин. Ну, извиняй. Ты бы сразу сказал, а то кто его знает, с этими номерами не разберёшься... Без очков я, у внука оставил.

Иван Иванович сам толкнул дверь сапогом так, что она захлопнулась перед носом Сомова. Послышались шаги в коридоре и тихое пение. Это слесарь Иван Иванович направился на третий этаж в квартиру над Сомовым. Колдун тяжело вздохнул и вернулся к трельяжу, где лежал нож. Сейчас он утратил этот духовный злой заряд из-за слесаря, который отвлек его внимание. Сомов постоял еще несколько минут, вспоминая, какой жаркой была погода в Африке. Вдруг его внимание привлек периодический негромкий стук от капель воды в туалете. Кажется, всё перекрыл в туалете, ничего не должно было капать. Он ещё какое-то время вспоминал Африку, её жаркое испепеляющее солнце, когда шум от падающих капель стал сильнее, чаще. Сомов не мог понять, что происходит и дошел до туалета. Включив свет, он увидел, как с потолка в месте, где соединялись плиты, на пол возле раковины капала вода. По лужице размером с тарелку каждый раз радостно пробегала маленькая круглая волна, когда очередная капля врезалась в пол. Вокруг лужицы на полу виднелись маленькие капельки.

– Ну, что за?.. – только и слетело у него с языка. Он открыл дверь и побежал на третий этаж. Когда он повернул на лестницу, навстречу ему летел слесарь Иван Иванович, который совершал гигантские прыжки через две-три ступеньки. Слесарь уже был без кепки, и его вьющиеся волосы были взъерошены.

– В сторону, в сторону, в сторону, в сторону, – услышал Сомов.

Мирзунков молнией пронесся мимо него и закричал куда-то вниз: «Валя, надо горячую вырубать. Там всё сгнило». Тяжелые шаги слесаря по лестнице стали тише и растворились на первом этаже. Снизу приглушенно доносились его слова: « Дай мне каких-нибудь.. то, что ты мне дала... этого мало.»

Сомов решил подняться наверх и дойти до 313 квартиры. Когда колдун добрался до места, лужица горячей воды уже разлилась в прихожей. За порогом квартиры поднимался пар. Точно в таком же, как у него коридорчике, ближе к кухне стояла молодая девушка в зеленом халате с молнией с рисунками цветов на нем и держала на руках ребенка. Девушка была напугана. Она растерянно дула на воду и говорила, успокаивая то ли себя, то ли своего сына: «Сейчас дядя придет, сейчас дядя придет и все починит». Малыш, сидевший у неё на руках, был абсолютно спокоен. Большой палец одной руки был у него во рту, а другой рукой он указывал на воду и говорил иногда: «А». Это был голубоглазый красивый ребенок с длинными светлыми волосами. Затем ребёнок переключил внимание на Сомова, протянул руку в его сторону и также сказал: «А». Девушка встретилась глазами с Сомовым, который злобно прокричал ей: «Ну, что смотришь? Убирай! Меня залить решили?»

Колдун решил дойти до вахты и узнать, что случилось, и как долго будет устраняться авария. По пути вниз на лестнице между первым и вторым этажом он снова встретил слесаря, который с взъерошенными волосами спешил наверх, перескакивая через ступеньки. Он кри-

чал непонятно кому: «Я говорил Вале! Я говорил: Варвара Степановна, давайте трубы поменяем на полипропилен пока недорого, пока выгодно, пока скидка есть. Нет, не захотели. Говорит, и так по мере необходимости меняем. Вот, дождались. Мы хотим деньги зарабатывать, а не вкладывать их. Ну, вот, и получите. Уже дома гниют, не к чему приваривать. Ну, перекрыл я, а что буду сейчас делать? Я не знаю, куда мы катимся. Чего они в этом доме собираются делать?»

Сомов спустился на первый этаж и подошёл к Валентине Захаровне.

– Что там случилось надо мной? Вы чего делаете здесь?

Валентина Захаровна смотрела очередную политическую передачу по телевизору и одновременно звонила своей начальнице Варваре Степановне, чтобы рассказать об аварии. Она даже не взглянула на Сомова. Ей было обидно, что он не поздоровался и сразу начал решать свою проблему.

– А что над вами случилось?

– Не делай из меня дурака. Меня затопили. Дай мне другое жильё. Я тебе заплатил.

Снова фамильярность и грубость этого жильца! Несмотря на то, что у неё был свободный номерной фонд, она не хотела менять ему квартиру. Неужели его так сильно затопили? Если она каждому будет менять квартиру по любой прихоти, как тогда сдавать жильё? Если сейчас пойти посмотреть, что у него, то уже не отстанет. Надо оставаться здесь и настаивать на своем.

– Мужчина, не будет вам никто ничего менять. И ничего у вас там не залило. Небольшая лужица в туалете, всего-то. Сейчас всё устранят, – она продолжала смотреть телевизор, не отводя от него глаз.

Сомов начинал закипать в своей злобе. Он заплатил деньги за жильё, и вот в туалете небольшая лужица. Он не знал, какая она там сейчас, насколько сильно залило туалет. Ему было важно само отношение к его персоне как к квартиросъемщику, и сам факт, что уже залило. Он хотел и брал свое любой ценой.

– А я говорю: дай мне другую квартиру, – подошёл он и встал прямо у входа в помещение, где сидела Триногова.

– А я говорю тебе, что ничего давать не буду, – вскочила женщина и устремила на него гневный взгляд из-под своих толстых очков.

– Полно тебе. Что орать-то на неё? Валя не виновата ни в чём, – прошмыгнул мимо Сомова слесарь в комнату Триноговой и стал рыться в шкафу с рабочим инвентарем уборщицы и дворника. – Валя, где у нас тут тряпки? Мне их не хватает. Там залило всё. Валя, я горячую перекрыл, сейчас сделаю.

Он погромел ведром, схватил его, положил туда тряпки и снова убежал по лестнице.

– Я говорю: дай мне новое жильё, другое жильё! У меня квартиру залило.

– А я говорю: не дам тебе другое жильё! Ещё раз говорю: у меня нет другого жилья, – огрызнулась Триногова.

– Я сейчас убью тебя прямо здесь.

– Что вы, мужчина, такое говорите? Вы понимаете, что я женщина. Что вы пристали ко мне?

Валентина Захаровна испугалась за свою жизнь. Она видела его злой взгляд. Какой неадекватный и ненормальный был этот мужчина! Не мог нормальный мужчина, даже если очень рассержен, говорить такие слова женщине. Но даже будучи в страхе её грызла обида.

– Даже если вы меня убьете, нового жилья вам не будет. Я вам что, рожу его что ли?

– Тогда дай, я посмотрю журнал, – Сомов протянул руки и взял журнал со стола из под наваленных на него сверху договоров.

Триногова схватила журнал обеими руками с другой стороны и потянула на себя, но мужчина был сильнее.

– Нет, я не дам вам смотреть журнал. Это коммерческая тайна.

– Какая коммерческая тайна? Твои записки кривой рукой?

– Что вы меня всё оскорбляете? Я сейчас полицию вызову. Не хотите здесь жить, не живите. Съезжайте, и черт с вами!

– Он со мной, – улыбнулся внезапно Сомов. Такая неожиданная реакция мужчины испугала Триногову, и поток её мыслей в голове на секунду остановился. Он улыбнулся так, будто радовался тому, что Валентина Захаровна попала в беду.

– Старая одинокая дура, – уже спокойно проговорил он и отпустил журнал.

В его словах больше не было эмоций. Они словно меч вонзились в самое больное место в сердце Триноговой. Женщина зажмурилась и, уронив журнал на пол, поднесла руки к груди.

– Тогда иди и вытри в туалете, – проговорил он спокойно.

Она только стояла и продолжала держать руки у груди, будто защищалась от всего, что ей было сказано. Лицо было красным, а по щекам из открытых глаз текли слезы.

– Тогда иди и вытри в туалете, – повторил он.

В ответ снова тишина. Только её плечи немного вздрагивали. Она бесшумно плакала.

Сомову стало легче от того, что он сделал ей больно. Ему было мало этого. Он хотел отомстить еще. Колдун протянул руку к теплому платку Триноговой, лежавшему на телевизоре, и взял его. Он развернулся в дверях и напоследок сказал: «Вытру им пол вместо тебя. Ты такая же одинокая, как и страшная». Женщина продолжала стоять еще какое-то время после его ухода, приходя в себя от боли произнесенных слов.

Через полчаса Сомову снова постучали в дверь.

– Кто там?

– Открывай, открывай хозяин. Это я, слесарь. У тебя все в порядке, не протекает ничего? – проговорил знакомый голос Мирзункова.

– У меня все нормально. Проваливай.

– Да ты дверь открой, хозяин. Валя просила посмотреть, как ты, да манжету тебе поставить. У меня как раз есть одна для тебя. Переживаем, чтобы и у тебя ничего не прорвало.

Дверь со скрипом отворилась. Перед ним стоял Мирзунков, но уже не улыбался, и глаза его не были приветливыми. Он был без инструмента.

– Ну что, обидел бабу? Нашел, с кем ругаться. Ты что, граф или барон? Тебя залило, а ты с бабой пошел ругаться, угрожать ей. Она мне в дочери годится, а ты?

– Пошел к..., – закричал в гнев Сомов, но сильный удар в нос кулака слесаря сбил колдуна с ног. Он с грохотом рухнул спиной на пол. Кровь теплыми струйками потекла из носа и из разбитой верхней губы. Боль от удара разлилась по лицу.

– Полежи пока, а я платочек Вали возьму, если ты не против, – Мирзунков поставил ногу на колено Сомову и шагнул в прихожую. Колдун протянул руку к заболевшему колену, по которому прошелся слесарь. Иван Иванович нашел платок в туалете на полу возле раковины. Он аккуратно выжал его в ванну и заботливо сложил, повесив на руку. На потолке было небольшое мокрое пятнышко. Можно было сказать, что этого обидчика Вали и вовсе не заливало. Мирзунков, выходя из квартиры, еще раз специально прошелся по тому же колену и с грохотом захлопнул дверь. В прихожей было тихо, будто никто не заходил.

Сомов медленно повернулся со спины на бок и закрыл глаза. Нос, губа и колено ныли от боли. Он начал проваливаться в темноту.

Ему снился сон. Он видел маму, как в детстве, как было раньше, когда был счастлив и ни о чём не думал. Его мир был беззаботным. Мама сидела солнечным днем в поле среди красивых цветов на зеленой мягкой траве. Высоко в небе пели птицы и летали над ними. Он бежал к маме по полю, и ничто его не останавливало. В этот момент маленький Ваня ощущал абсолютную свободу и ветер, который дул ему в лицо, трепал его волосы на голове и одежду. Ваня бежал навстречу этому теплому ветру. Он бежал навстречу маме, радости и счастью, бежал в её распростертые объятия. Своим маленьким ребячьим тельцем Ваня врезался в молодую краси-

вую улыбающуюся женщину со светлыми длинными волосами. Она засмеялась и заключила его в свои объятия. Он ощущал мир, радость, ее тепло и любовь. В этот момент он был абсолютно счастлив. Они не сказали ни слова, но полностью понимали друг друга. Их объединяло всепоглощающее чувство любви. Он любовался со стороны этой картиной, как они с мамой в обнимку сидели в поле среди цветов. Внезапно раздался рёв огромного поезда, который выехал на поляну. Казалось бы, как он мог выехать на поляну. Но во сне возможно все. Это был огромный массивный поезд из черного металла размером больше обычного. За ним тянулся состав из множества вагонов, груженных углём и черной рудой. Поезд был очень тяжелый и не мог остановиться сразу. Он сигналил и продолжал двигаться прямо на них. Ещё несколько секунд и столкновения будет не избежать, но мама и мальчик не видели его. Они продолжали наслаждаться объятиями друг друга. Тем временем поезд продолжал тормозить, но сила инерции была настолько велика, что он не мог остановиться, даже снизить скорость хотя бы на долю. На огромной скорости гигантский поезд просто смял маму и ребёнка, и на этом сон закончился.

Сомов открыл глаза. Он знал, кто во сне был этим поездом. Это был сам Сомов, вернее его выбор, который перечеркнул много важного в жизни. После неожиданной смерти мамы были уничтожены отношения с отцом. Он сам стал другим, что сделало его чуждым людям. У него не было пути назад. Он по-прежнему лежал на боку. На губах и в носу была запекшаяся кровь. Голова раскалывалась от боли.

Через полчаса он спустился вниз по лестнице и прошел мимо вахты. Дверь в комнату Валентины Захаровны Триноговой была закрыта, хотя обычно в это рабочее время она сидела ещё там. Он поспешно вышел из подъезда на улицу. Как у всех людей, у него была своя работа, но у колдунов она злая.

Глава 5

Света Снигирева сидела перед зеркалом и молчаливо разглядывала себя в нём. Она медленными плавными движениями руки расчесывала свои длинные черные прямые волосы, спадающие шелковистой рекой с плеч. Черная густая челка наполовину закрывала бледный лоб. Черные тонкие брови, черные ресницы и карие глаза производили ощущение красоты и строгости одновременно. Однако, скорее всего, это была не строгость, а сосредоточенность. Высокая, почти сто девяносто сантиметров, неполная и нехудая, с выпрямленной спиной, в пижаме с зайчиками Света смотрела в зеркало. На самом деле она смотрела не на свое изображение, а куда-то вдаль. Света мысленно была далеко-далеко, и поэтому рука, расчесывающая волосы, двигалась автоматически. Она думала о многом, как обычно это подобает девушкам. Думала о Ване Архипычеве, вспоминала его лицо, шутки, когда видела его несколько месяцев назад. Думала об учебе, о том, что недавно были экзамены, о том, сколько осталось учиться. И о том, какое надеть платье на свидание. Каким будет это свидание? Наконец, что очень важно было для неё, она прислушивалась к своему сердцу и пыталась анализировать то, что она чувствует к Ване Архипычеву. Она познакомилась с ним давно, когда еще были подростками. Спустя несколько лет они пытались общаться, но Иван не заинтересовал ее как мужчина. Он был ей приятен как человек, с которым можно пообщаться, поговорить, куда-то сходить. Несколько месяцев назад она написала ему в соцсети сама. И не потому, что ей стало скучно, и захотелось свиданий, а потому что чувствовала, что за этой внешностью Вани скрывается личность, и он настоящий. Ей стало интересно, как у него дела. До того, как написать Архипычеву, по совету своего отца, работающего заведующим хирургического отделения, Света пару раз ходила на свидания с сыном главврача. Кавалер был настолько увлечен своей модной прической, что несколько раз за время свидания делал селфи на новый айфон. Вообще он не вылезал из своего телефона. Вроде бы он был добрый парень, улыбчивый, но душевного комфорта, понимания она с ним не ощутила, а только ощущение тоски вперемешку с раздражительностью. Погрустив немного о том, что она не реализовала роль жены и мамы в своей жизни, Света вернулась к своим обычным делам. Тогда она и вспомнила про Ваню Архипычева. Сначала зашла к нему на страницу в социальной сети, изучила последние новости и фотографии. Новых записей и фотографий практически не было. У многих мужчин страницы обновляются крайне редко. Наверное, чем меньше изменений на странице, тем счастливее мужчина. Архипычев не был исключением. Сделав вывод, что он ни с кем не встречается, подождав немного, собравшись духом, она, Светлана Снигирева, красивая брюнетка с длинными густыми волосами, стройной фигурой, закончившая школу и вуз с отличием, первая написала ему и затаила дыхание. Ваня Архипычев сначала не понимал, почему она написала ему, если несколькими месяцами ранее сама прекратила только начавшееся тогда общение. Мысли в его голове ворочались медленно, как здоровые механические шестерни. Наконец он ей ответил. Они начали переписываться, потом созваниваться и, наконец, решили вместе сходить в кино. Теперь шестеренки у обоих крутились быстро-быстро. Время шло, и она видела, что Ваня совсем другой человек, нежели она предполагала ранее. Относительно Вани у Светы в начале все-таки был целый рой сменяющих друг друга, жужжащих противоречащих мыслей. Со временем среди этих мыслей стал проступать какой-то фон, какое-то знание и чувство одновременно. Рой еще был, но постепенно рассеивался. Ее стало тянуть к этому молодому человеку, который на первый взгляд, вроде бы, был не так приметен, но были интересны его мысли, характер, то, как он обращался с ней. Свидание назрело само собой. Света была очень внимательна в выборе мужчины. К двадцати пяти годам своей молодой девичьей жизни у неё не было опыта серьезных отношений. Была пара ребят, кроме сына главврача, с которыми она ходила несколько раз на свидания, но каж-

дый раз эти отношения заканчивались по инициативе Светы. Те ребята, хорошие, в общем, ребята, ей были неинтересны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.